

СБОРНИК ВКЛЮЧЕН
В НАУКО-
МЕТРИЧЕСКУЮ БАЗУ

РИНЦ

ИНТЕРНАУКА
internauka.org

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ
II МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ВОПРОСЫ ПРАВОО ПРИМЕНЕНИЯ

№ 2(2)

ISSN 2541-9889

Москва, 2017

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ВОПРОСЫ
ПРАВОО ПРИМЕНЕНИЯ**

*Сборник статей по материалам II международной
научно-практической конференции*

№ 2 (2)
Август 2017 г.

Издается с июля 2017 года

Москва
2017

ИНТЕРНАУКА
internauka.org

**THEORETICAL ASPECTS
OF JURISPRUDENCE
AND LAW ENFORCEMENT MATTERS**

Proceedings of II international scientific-practical conference

№ 2 (2)
August 2017

Published since July 2017

Moscow
2017

УДК 34
ББК 67
Т33

Ответственный редактор: Бутакова Е.Ю.

Т33 Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения. сб. ст. по материалам II междунар. науч.-практ. конф. – № 2 (2). – М., Изд. «Интернаука», 2017. –124 с.

Оглавление

Доклады конференции на русском языке 7

Секция 1. Административное право, финансовое право, информационное право 7

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ 7

К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА

Асеев Александр Григорьевич

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ 11

НА ПРИМЕРЕ РОСИМУЩЕСТВА

Ермошин Павел Юрьевич

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ 16

ТРАНСПОРТА

Игитханян Соник Карапетовна

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА МЕР 21

ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ

ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Щитченко Дмитрий Вячеславович

Секция 2. Гражданское право; 26
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙ: КРУПНЫЙ АКЦИОНЕР, 26

КРУПНЫЙ ПАКЕТ АКЦИЙ, МИНОРИТАРНЫЙ
АКЦИОНЕР, КОРПОРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ

Бережной Алексей Юрьевич

Марченко Татьяна Васильевна

ПРАВО МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 33

(МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА) НА ОТКАЗ

ОТ ЛЕЧЕНИЯ ПАЦИЕНТА. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ

Болдырева Наталия Тариеловна

Арсланов Камиль Маратович

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНИМОСТИ НОРМ 40

ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ К ЛИЦАМ, ВХОДЯЩИМ
В СОСТАВ ОРГАНОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Болдырева Наталия Тариеловна

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В США Печенкин Алексей Евгеньевич	44
АНАЛИЗ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И КОНТРОЛЯ ТОВАРИЩЕСТВА СОБСТВЕННИКОВ НЕДВИЖИМОСТИ Печенкин Алексей Евгеньевич	47
Секция 3. Конституционное право; муниципальное право	51
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ Иванов Святослав Вячеславович	51
К ВОПРОСУ ПОВЫШЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ Темирова Барията Гаджиевна	55
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ) Худяков Андрей Вячеславович	59
Секция 4. Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности	66
ЭТАПЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВОЙСК ПО ОХРАНЕ ОСОБО ВАЖНЫХ ОБЪЕКТОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ГРУЗОВ Пазий Юрий Васильевич	66
ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГВАРДИИ КАК ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА Попов Павел Иванович	69
Секция 5. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	73
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ И ПРОБЕЛОВ В ПРАВЕ, А ТАКЖЕ ИНЫХ ФОРМ ВЫРАЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАВЕ Белоусова Ксения Александровна	73
ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА И ИСТОЧНИК ПРАВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ Дружков Никита Алексеевич	77

Секция 6. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	84
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ВНЕШНИЕ СРЕДСТВА ТОЛКОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА В США Викторова Элеонора Юрьевна	84
Секция 7. Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность	94
КОНФЛИКТЫ ИНТЕРЕСОВ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ Шихнабиев Рустам Абдулкадирович	94
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ Рамазонова Наргиза Абдирашидовна	99
Конференциянын кыргыз тилинде окулган докладдары	103
Бөлүм 1. Ишке кабыл алуу; коомдук коопсуздук мыйзамы	103
ИНСТИТУТ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ Джаркымбаева Акак Карыбековна	103
КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И СОСТОЯНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ Джаркымбаева Акак Карыбековна	108
КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ Джаркымбаева Акак Карыбековна	113

ДОКЛАДЫ КОНФЕРЕНЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СЕКЦИЯ 1.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА

Асеев Александр Григорьевич

*доцент Новосибирского военного института имени генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
РФ, г. Новосибирск*

В 1989 году, решением парижского саммита лидеров стран «большой семерки», была создана Международная организация по борьбе с финансовыми злоупотреблениями (далее ФАТФ), которая разработала сорок рекомендаций для национальных законодательств в сфере борьбы с отмытием капитала. В ее состав входят более 30 государств, включая Российскую Федерацию, которая поддерживает взаимодействие с ФАТФ. Так, 26 апреля 2017 года, Глава государства принял в Кремле президента Группы разработки финансовых мер борьбы с отмытием денег Хуана Мануэля Вега-Серрано.

В целях реализации рекомендаций ФАТФ на практике, в Российской Федерации в июле 2016 года был принят федеральный закон № 176-ФЗ [2], вступивший в силу в январе 2011 года. Данный нормативный правовой акт внес изменения в законодательство о противодействии легализации преступных доходов [3]. Изменения коснулись и Кодекса РФ об административных правонарушениях [4], в который внесены дополнения в виде установления административной ответственности за оказание финансовой поддержки терроризму (статья 15.27.1), а также за неисполнение решения коллегияльного органа, на который возложены координация и организация

деятельности по противодействию терроризму (статья 19.5.1) [6, с. 306]. Действие законодательства распространено на зарубежные филиалы, представительства и «дочек» организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом. Законодатель установил, что спонсирование терроризма, финансовыми средствами, рассматривается как проявление терроризма и принял новую редакцию административной нормы, устанавливающую административную ответственность за неисполнение требований законодательства о противодействии легализации или отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [3].

Установлена административная ответственность должностных и юридических лиц по таким составам административных правонарушений как: 1) нарушение сроков уведомления о постановке на учет в уполномоченном органе. Также образуют состав правонарушения деяния связанные с нарушениями сроков направления правил внутреннего контроля в уполномоченный орган; 2) деяния связанные с неисполнением законодательства в части организации и осуществления самого внутреннего контроля; 3) действия или бездействие, ответственность за неисполнение законодательства в части организации и осуществления внутреннего контроля, повлекшие непредставление в установленные сроки в уполномоченный орган соответствующих сведений; 4) бездействие в вопросах представления в уполномоченный орган информации об операциях, подлежащих обязательному контролю. Если в приговоре суда, который вступил в силу, будет доказано, что та или иная организация, осуществляющая операции с денежными средствами или иным имуществом, легализовала доходы, полученные преступным путем. Инициировать производство по делу об административном правонарушении, за данные деяния, имеет право прокурор. При этом административная ответственность применяется, если соответствующее деяние не содержит признаков преступления. Таким образом, в России, с 2010 года, определены конкретные составы административных правонарушений в сфере неисполнения требований законодательства о противодействии легализации или отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Система противодействия легализации или отмыванию доходов, полученных преступным путем, а также финансированию терроризма включает в себя осуществление целого ряда мер, в том числе обязательный контроль и внутренний контроль за операциями с денежными средствами или иным имуществом. Обязательному

контролю подлежат финансовые операции, сумма которых равна или превышает шестьсот рублей, либо эквивалентна такой сумме в иностранной валюте. Определен и перечень видов таких операций, к которым относятся операции с денежными средствами или иным имуществом подлежащие обязательному контролю в случае, если хотя бы одной из сторон является организация или физическое лицо, в отношении которых имеются полученные в установленном законодательством порядке сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, либо юридическое лицо, прямо или косвенно находящееся в собственности или под контролем таких организации или лица, либо физическое или юридическое лицо, действующее от имени или по указанию таких организации или лица.

Уполномоченным органом по противодействию легализации и отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в России в 2001 году был создан Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу [5]. Впоследствии он был преобразован, в качестве надзорного органа, в федеральную службу по финансовому мониторингу. Этот федеральный орган исполнительной власти, в настоящее время, осуществляет функции по противодействию легализации и отмыванию доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Росфинмониторинг наделен полномочиями по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в этой сфере, а также по координации соответствующей деятельности других федеральных органов исполнительной власти, других государственных органов и организаций. Он выполняет функции национального центра по оценке угроз национальной безопасности, возникающих в результате совершения операций или сделок с денежными средствами или иным имуществом, и по выработке мер противодействия этим угрозам. Руководство деятельностью этого надзорного органа осуществляет Президент РФ, он же в 2012 году утвердил положение о данном органе [1].

К административной ответственности могут привлекаться юридические лица, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом. К таким организациям законодатель относит страховые организации и лизинговые компании, кредитные организации, профессиональных участников рынка ценных бумаг, организации федеральной почтовой связи, ломбарды, организации, осуществляющие скупку, куплю-продажу драгоценных металлов и камней, ювелирных

изделий. Кроме этого к ним относятся не только тотализаторы и букмекерские конторы, но и организации, которые занимаются управлением инвестиционными фондами или негосударственными пенсионными фондами, а также организации, оказывающие посреднические услуги при осуществлении сделок купли-продажи недвижимого имущества. Субъектами правонарушений могут быть признаны и организации, не являющиеся кредитными организациями, осуществляющие прием от физических лиц наличных денежных средств в случаях, предусмотренных законодательством о банках и банковской деятельности [3].

В 2014 году установлена административная ответственность за неисполнение решения, сформированного по решению Главы государства на федеральном уровне, коллегиального органа, координирующего и организующего деятельность на всех уровнях, по противодействию терроризму. На юридических лиц может быть наложен административный штраф до одного миллиона рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

Статьей 361 установлена уголовная ответственность за совершение за пределами РФ акта международного терроризма против граждан РФ или Российской Федерации [7, с. 178]. Таким образом устанавливается взаимная ответственность государства перед обществом, а человека перед государством по борьбе с терроризмом.

Список литературы:

1. Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу: указ Президента РФ от 13 июня 2012 № 808 // СЗ РФ. – 2012. – № 25. – Ст. 3314.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 23 июля 2010 г. № 176-ФЗ // СЗ РФ. – 2010 г. – № 30 – Ст. 4007.
3. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 33. – Ст. 3418.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ // СЗ РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2335.

5. Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: указ Президента РФ от 1 нояб. 2001 г. № 1263 // СЗ РФ. – 2001. – № 45. – Ст. 4251.
6. Шевченко И.В., Асеев А.Г. Обеспечение антитеррористической безопасности: правовой и правоприменительный аспекты // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии российской федерации сборник научных статей VIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. – Новосибирск: НВИ имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. – С. 305-310.
7. Шевченко И.В., Асеев А.Г. Проблемы правового антитеррористического регулирования в сфере обеспечения безопасности // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства Сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции: в 3 томах. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2016. – С. 175-181.

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ НА ПРИМЕРЕ РОСИМУЩЕСТВА

Ермошин Павел Юрьевич

*магистрант, Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина,
РФ, г. Москва*

Мир стремительно меняется, активно развиваются новые технологии, которые оказывают фундаментальное влияние на различные сферы общественной жизни. Не обошли подобные тенденции и сферу государственного управления. Данный процесс получил название информатизации - процесса получения, передачи, производства и распространения информации с применением информационных технологий [1]. Цель правовой информатизации общества была сформулировано в Концепции правовой информатизации России следующим образом: «Под правовой информатизацией России понимается процесс создания оптимальных условий максимально полного удовлетворения информационно-правовых потребностей государственных и общественных структур, предприятий, организаций, учреждений и граждан на основе эффективной организации и использования информационных ресурсов с применением прогрессивных технологий» [2]. Данные положения

остались не просто декларацией, была проделана значительная работа по практическому внедрению информационных технологий в различные сферы государственного управления. Настоящая работа ставит следующие цели: проследить развитие нормативной базы по вопросам информатизации и проанализировать соответствие актов, непосредственно регулирующих процесс предоставления государственных услуг требованиям по оказанию государственных услуг в электронном виде на примере государственных услуг Федерального агентства по управлению государственным имуществом (далее – Росимущество). Данная тема является актуальной, так как значительное количество граждан обращается за получением государственных услуг в электронной форме [3]. Кроме того, планируется реализовать получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде к 2018 году на уровне не менее 70% [4].

Оказание государственных услуг регламентируется профильным федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [5]. Согласно данному акту, государственная услуга представляет собой деятельность уполномоченных органов (федеральных органов исполнительной власти, государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов РФ) по реализации функций уполномоченного органа, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий установленных нормативными правовыми актами РФ и нормативными правовыми актами субъектов РФ. Согласно позиции законодателя, закрепленной в статье 19 рассматриваемого акта, предоставлением государственных и муниципальных услуг в электронной форме осуществляется на базе информационных систем, включая государственные и муниципальные информационные системы, составляющие информационно-технологическую и коммуникационную инфраструктуру. Такие системы представляют собой «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств». Более детальные требования к оказанию государственных услуг в электронном виде указаны в постановлении Правительства РФ от 26.03.2016 № 236, к ним можно отнести, например, следующие: получение информации о порядке и сроках предоставления услуги в электронной форме, прием и регистрация органом (организацией) запроса и иных документов, необходимых для предоставления услуги в электронной форме; получение сведений о

ходе выполнения запроса в электронной форме; оценка качества предоставления государственной услуги заявителем в электронной форме [6]. Практическое воплощение данных требований должно реализовываться через официальные сайты органов государственной власти и органов местного самоуправления, федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг», порталы государственных и муниципальных услуг субъектов Российской Федерации. Значительную роль в практическом внедрении информационных технологий в оказании государственных и муниципальных услуг играют протоколы заседаний Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности [7]. В частности, примером такого документа является протокол заседания Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 19 сентября 2013 г. №1 [8], во исполнении которого была принята Концепция оптимизации механизмов проектирования и реализации межведомственного информационного взаимодействия, оптимизации порядка разработки и утверждения административных регламентов в целях создания системы управления изменениями [9]. В этом документе в частности выделяются проблемы, которые возникают при регламентации общественных отношений в сфере информатизации оказания государственных услуг. Например, существующая процедура принятия административных регламентов предоставления государственных услуг не позволяет оперативно урегулировать вопросы внедрения информационных технологий при оказании государственных услуг, в результате часто информационные системы органов, оказывающих государственные услуги, функционируют вне правового поля. Кроме того, процессы межведомственного взаимодействия при оказании услуг в электронной форме полностью нормативно не урегулированы, из-за чего страдает качество оказания услуг [10].

Ведущее практическое значение имеют именно административные регламенты органа власти, который уполномочен оказывать государственную или муниципальную услугу. Применительно к данной ситуации таким органом является Росимущество. Рассмотрим каждый действующий административный регламент Росимущества по оказываемым услугам в отдельности с точки зрения соответствия требований к предоставлению в электронной форме государственных услуг.

В административном регламенте по предоставлению Федеральным агентством по управлению государственным имуществом государственной услуги по прекращению прав физических и юридических лиц в случае добровольного отказа от прав на земельные участки, утвержденном приказом Минэкономразвития России от 07.11.2011 N 621 [11] не предусмотрена запись на прием заявителей при оказании государственной услуги

В административном регламенте по предоставлению Федеральным агентством по управлению государственным имуществом государственной услуги по предоставлению религиозным организациям в собственность или безвозмездное пользование федерального имущества религиозного назначения, а также федерального имущества, соответствующего критериям, установленным частью 3 статьи 5 и (или) частью 1 статьи 12 Федерального закона от 30 ноября 2010 г. N 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной и муниципальной собственности», утвержденном приказом Минэкономразвития России от 03.03.2014 N 102 [12] не предусмотрено выдача результата предоставления государственной услуги в виде документа на бумажном носителе, подтверждающего содержание электронного документа, направленного органом (организацией), в многофункциональном центре.

В административном регламенте по предоставлению Федеральным агентством по управлению государственным имуществом государственной услуги по осуществлению в установленном порядке выдачи выписок из реестра федерального имущества, утвержденном приказом Минэкономразвития России от 07.10.2011 N 556 [13] не предусмотрена процедура оценки качества предоставления государственной услуги заявителем.

Нормативная база информатизации государственных услуг является достаточно развитой, урегулирован широкий спектр процедур при оказании государственных услуг. В данной области сформированы предпосылки для перехода в иной формат взаимодействия граждан и государства. Однако в нормативно регулировании существуют определенные проблемы, которые тормозят процессы внедрения информационных технологий. Административные регламенты по оказанию государственных услуг Росимущества в целом соответствуют требованиям к предоставлению в электронной форме государственных услуг, однако, некоторые положения нуждаются в доработке.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета, № 165, 29.07.2006;
2. Указ Президента Российской Федерации от 28.06.1993 № 966 «О Концепции правовой информатизации России» // Российские вести, № 132, 13.07.1993;
3. Н.В. Лукашов Институциональные парадоксы информатизации государственного и муниципального управления в современной России // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. №2;
4. В.Г. Лякишева, В.В. Мищенко, Н.А. Шабалина Об информатизации процесса предоставления государственных и муниципальных услуг // Вестник алтайской науки. 2015. 3-4 (25-26).
5. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Российская газета, № 168, 30.07.2010.;
6. Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 N 236 «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» // "Российская газета", № 75, 08.04.2016;
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.06.2004 № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // Российская газета, № 119, 08.06.2004;
8. Протокола заседания Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 19 сентября 2013 г. №1 // [Электронный ресурс]: <http://government.ru/news/5854/>;
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.08.2015 N 1616-р «Об утверждении Концепции оптимизации механизмов проектирования и реализации межведомственного информационного взаимодействия, оптимизации порядка разработки и утверждения административных регламентов в целях создания системы управления изменениями» // Собрание законодательства РФ, 31.08.2015, № 35, ст. 5012;
10. А.В. Макаров Перспективы развития предоставления государственных и муниципальных услуг // Аллея науки. 2017. № 9;
11. Приказ Минэкономразвития России от 07.11.2011 № 621 «Об утверждении Административного регламента по предоставлению Федеральным агентством по управлению государственным имуществом государственной услуги по прекращению прав физических и юридических лиц в случае добровольного отказа от прав на земельные участки» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 10, 05.03.2012;

12. Приказ Минэкономразвития России от 03.03.2014 № 102 «Об утверждении Административного регламента по предоставлению Федеральным агентством по управлению государственным имуществом государственной услуги по предоставлению религиозным организациям в собственность или безвозмездное пользование федерального имущества религиозного назначения, а также федерального имущества, соответствующего критериям, установленным частью 3 статьи 5 и (или) частью 1 статьи 12 Федерального закона от 30 ноября 2010 г. N 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной и муниципальной собственности» // Российская газета, № 223, 01.10.2014;
13. Приказ Минэкономразвития России от 07.10.2011 № 556 «Об утверждении Административного регламента по предоставлению Федеральным агентством по управлению государственным имуществом государственной услуги по осуществлению в установленном порядке выдачи выписок из реестра федерального имущества» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 49, 05.12.2011.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТА

Игитханян Соник Карпетовна

*магистрант «Государственного морского
университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова»
РФ, г. Новороссийск*

Определяющим для организации российской транспортной системы является система государственного управления.

На федеральном уровне высшими органами управления транспортом являются Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Министерство транспорта Российской Федерации. Президент РФ определяет основные направления государственной политики в области транспорта.

Указы Президента Российской Федерации, принятые в целях развития экономических и правовых отношений в данной области, расширяют и конкретизируют сферу деятельности на различных видах транспорта.

Правительство РФ как орган общей компетенции осуществляет нормативно-правовое регулирование деятельности транспорта,

реализует государственную политику в области транспорта и осуществляет другие полномочия в данной области, предусмотренные федеральными законами, актами Президента РФ и Правительства РФ [1].

Согласно Положению о Федеральной службе по надзору в сфере транспорта- Федеральная служба по надзору в сфере транспорта является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере гражданской авиации, морского (включая морские торговые, специализированные, рыбные порты, кроме портов рыбопромысловых колхозов), внутреннего водного, железнодорожного, автомобильного (кроме вопросов безопасности дорожного движения), промышленного транспорта и дорожного хозяйства [2].

Федеральная служба по надзору в сфере транспорта находится в ведении Министерства транспорта Российской Федерации [5].

Служба в пределах своей компетенции издает индивидуальные правовые акты на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, актов Министерства [3].

Хотелось бы сказать о сфере деятельности данной службы.

В сферу деятельности Ространснадзора вошли:

- контроль и надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации и международных договоров в области:
 - гражданской авиации;
 - использования воздушного пространства Российской Федерации;
 - аэронавигационного обслуживания;
 - авиационно-космического поиска и спасания;
 - железнодорожного, промышленного, морского и речного транспорта;
 - автомобильного и городского наземного электрического транспорта;
 - дорожного хозяйства,
 - а также обеспечение транспортной безопасности [6].

В осуществлении своей деятельности Федеральная служба по надзору в сфере транспорта руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, актами Министерства,

международными договорами Российской Федерации, а также Регламентом Федеральной службы по надзору в сфере транспорта.

В осуществлении своих полномочий, установленных федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации служба самостоятельна.

Осуществление своей деятельности служба производит непосредственно и через свои территориальные органы во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

В пределах своей компетенции Федеральная служба по надзору в сфере транспорта издает индивидуальные правовые акты на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, актов Министерства.

Согласно Положению о Федеральной службе по надзору в сфере транспорта - руководителем Федеральной службы по надзору в сфере транспорта является главный государственный транспортный инспектор Российской Федерации.

Федеральную службу по надзору в сфере транспорта возглавляет руководитель, назначаемый на должность и освобождаемый от должности Правительством Российской Федерации по представлению Министра транспорта Российской Федерации.

Руководитель Федеральной службы по надзору в сфере транспорта несет персональную ответственность за выполнение возложенных на Службу полномочий и реализацию государственной политики в установленной сфере деятельности.

Руководитель Федеральной службы по надзору в сфере транспорта имеет заместителей, назначаемых на должность и освобождаемых от должности Правительством Российской Федерации по представлению Министра транспорта Российской Федерации.

Количество заместителей руководителя Службы устанавливается Правительством Российской Федерации [2].

Необходимо уделить внимание государственным функциям данной службы.

К государственным функциям относятся:

1. Проведение проверок при осуществлении федерального государственного надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации, в том числе международных договоров

Российской Федерации об обеспечении пожарной безопасности при эксплуатации железнодорожного подвижного состава

2. Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением порядка передачи сведений в автоматизированные централизованные базы персональных данных о пассажирах

3. Проведение проверок при осуществлении федерального государственного надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации, в том числе международных договоров Российской Федерации об обеспечении безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, а также промышленной безопасности на железнодорожном транспорте

4. Проведение проверок при осуществлении федерального государственного транспортного надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации, в том числе международных договоров в сфере гражданской авиации, аэронавигационного обслуживания пользователей воздушного пространства Российской Федерации, авиационно-космического поиска и спасания

5. Проведение проверок за обеспечением транспортной безопасности

6. Государственная функция по осуществлению в установленном порядке весового контроля автотранспортных средств, осуществляющих грузовые перевозки

7. Федеральный государственный надзор в области безопасности судоходных гидротехнических сооружений

8. Контроль (надзор) за соответствием установленным требованиям соответствующих функциональных подсистем единой

9. Исполнение государственной функции по контролю (надзору) за соблюдением юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями законодательства Российской Федерации в сфере автомобильного транспорта

10. Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации, в том числе международных договоров Российской Федерации о торговом мореплавании, о внутреннем водном транспорте Российской Федерации, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность по обеспечению безопасности мореплавания и судоходства

11. Федеральный государственный транспортный надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации, в том числе международных договоров Российской Федерации об обеспечении пожарной безопасности при эксплуатации воздушных судов

12. Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации, в том числе международных договоров Российской Федерации об обеспечении пожарной безопасности при эксплуатации морских судов, судов внутреннего водного и смешанного (река-море) плавания, иных плавучих объектов

13. Государственная функция по контролю (надзору) за соблюдением законодательства Российской Федерации и международных договоров Российской Федерации о порядке осуществления международных автомобильных перевозок.

Нормативной базой Федеральной службы надзора в сфере транспорта являются:

- Федеральные законы
- Указы Президента Российской Федерации
- Постановления Правительства Российской Федерации
- Приказы и распоряжения Министерства транспорта Российской Федерации

Российской Федерации

- Приказы и Распоряжения Ространснадзора
- Административные регламенты Ространснадзора [4]

Немного о структуре. В структуру данной службы входит:

• Центральный аппарат Федеральной службы по надзору в сфере транспорта

- Коллегия
- Общественный совет
- ФКУ «Информационный вычислительный центр Федеральной службы по надзору в сфере транспорта

• Территориальные органы Федеральной службы по надзору в сфере транспорта 91 территориальное управление

• Государственный авиационный надзор и надзор за обеспечением транспортной безопасности 7 межрегиональных территориальных управлений

• Государственный железнодорожный надзор 7 межрегиональных территориальных управлений

• Межрегиональное территориальное управление Федеральной службы по надзору в сфере транспорта по северо-кавказскому федеральному округу

• Государственный автодорожный надзор 12 межрегиональных и 52 региональных территориальных управления

• Государственный морской и речной надзор 12 межрегиональных территориальных управлений.

Список литературы:

1. Братановский С.Н. Административное право. Особенная часть: учебник. М.: Директ-Медиа, 2013.
2. Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 № 398 (ред. от 05.05.2017) Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере транспорта
3. Приказ Ространснадзора от 06.06.2007 N ГК-376ФС (ред. от 04.07.2008) "Об утверждении Регламента Федеральной службы по надзору в сфере транспорта" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 06.07.2007 N 9787)
4. <http://rostransnadzor.ru/deyatel-nost/gosudarstvenny-e-funktsii/>
5. koapkodeksrf.ru/rzd-3/gl-23/st-23-36-koap-rf
6. <http://rostransnadzor.ru/rostransnadzor/about/istoriya-sozdaniya/>

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Щитченко Дмитрий Вячеславович

*курсант Новосибирского военного института имени генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
РФ, г. Новосибирск*

Зарождение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях обусловлено появлением института административной ответственности и необходимостью его эффективного обеспечения возможно выделить три этапа становления и развития правовых основ системы мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Первый этап - докодификационный (до 1980 г.). Он характеризуется отсутствием целостной правовой регламентацией мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Законодательство того времени не выделяло данные меры в самостоятельный вид мер административного принуждения. Более того, правовые нормы, регламентирующие их, не были систематизированы и закреплялись в разноотраслевых законодательных актах, а меры административного принуждения могли применяться как в связи с административными правонарушениями, так и в связи с уголовными преступлениями.

Далее в имперском законодательстве появилось доставление и личное задержание в виде полицейского ареста. В Советский период законодатель вменил в обязанность милиции прекращение нарушений общественного порядка путем осуществления личного задержания, а также задержание и запрещение эксплуатации транспортного средства. В последующем законодатель предоставил полномочия производить задержание в административном порядке.

С середины XX в. законодатель выделяет доставление в отдельных нормативных актах наряду с задержанием, что позволяет рассматривать данную меру в качестве самостоятельной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

В науке этого периода Г.И. Петров впервые ввел в обиход термин «меры административного обеспечения», которые, по мнению автора, применяются в целях предупреждения правонарушений или в целях обеспечения фактического выполнения органами управления возложенных на них обязанностей и могут быть применены и без наличия вины, в силу государственной необходимости. К мерам административного обеспечения он относил: личное задержание, административно-медицинские и санитарные меры, административно-технические меры, административно-финансовые меры и реквизицию.

Во второй половине XX века административно-деликтное законодательство, закреплявшееся в разноуровневых правовых актах, дифференцировалось по отношению к задержанию различных видов субъектов: граждан, совершивших мелкое хулиганство, нарушивших порядок организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (подлежали задержанию до рассмотрения в установленные законом сроки дел об административных правонарушениях); иных лиц, совершивших административные правонарушения (задерживались на срок до трех часов); военно-служащих; несовершеннолетних и некоторых других категорий лиц.

Второй этап можно условно определить с начала 80-х по 2002 г.г. Начало этого этапа связано с развитием процесса систематизации норм, регулирующих меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и унификации порядка их применения. Первым кодификационным документом стал КоАП РСФСР, в котором были законодательно закреплены такие меры как: административное задержание, досмотр и изъятие вещей и документов. В нем также был определен порядок их применения, закреплены полномочия должностных лиц по их применению и указаны сроки реализации. Кодекс закрепил такие административно-

процессуальные меры как: принудительное исполнение постановления о наложении штрафа, замена исправительных работ арестом и принудительная госпитализация. В 90-х годах в таможенной, налоговой, земельной, экологической и других отраслях и сферах управления были приняты нормативные правовые акты различного уровня, которые параллельно с КоАП РСФСР регулировали процедуру применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Ими были урегулированы правила и порядок проведения освидетельствования на состояние опьянения. При невозможности объединить большой массив разноотраслевого административного законодательства, назрела проблема систематизации всего этого объема административно-деликтного законодательства путём принятия нового КоАП РФ. В первоначальной редакции КоАП РФ закрепил 12 мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, добавив к мерам, закреплённым в КоАП РСФСР: досмотр транспортного средства; осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий, находящихся там вещей и документов; запрещение эксплуатации транспортного средства; арест товаров, транспортных средств и иных вещей. Впоследствии данный перечень был дополнен освидетельствованием на состояние алкогольного опьянения, временным запретом деятельности и залогом за арестованное судно. В 2011 году законодатель впервые ввел в КоАП РФ меру обеспечения, которая распространяется только в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства – помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации.

В 2006 году, в целях пресечения дисциплинарного проступка, установления личности нарушителя, а также подготовки материалов о дисциплинарном проступке и обеспечения своевременного и правильного их рассмотрения к военнослужащему или гражданину, призванному на военные сборы, законодатель впервые ввел меры обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке, такие как: доставление, задержание, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при военнослужащем или гражданине, призванном на военные сборы, досмотр транспортного средства, изъятие вещей и документов, временное отстранение от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей, отстранение от управления транспортным средством и медицинское освидетельствование [1, с. 35]. К военнослужащим не могут быть

применены административные наказания в виде административного ареста, обязательных работ, а к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву и а также к курсантам военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования до заключения с ними контракта о прохождении военной службы также в виде административного штрафа [2, с. 146].

Должностные лица воинских частей, гарнизонов или органов военной полиции, которые имеют право применять меры обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке, определяются общевоинскими уставами и Уставом военной полиции [3, с. 212].

Законодатель акцентировал внимание и закрепил в правовой норме раскрывающей меры обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке, что доставление, то есть принудительное препровождение, военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, осуществляется в служебное помещение воинской части или военной полиции. Кроме этого, законодатель вменил в качестве обязанности должностному лицу воинской части, гарнизона или органа военной полиции, отстранившее военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, от управления транспортного средства, и обязал его обеспечить сохранность этого транспортного средства до окончания отстранения [4, с. 54].

Задержанный военнослужащий содержится в изолированном помещении воинской части, либо в комнате (камере) для задержанных военнослужащих, либо на гауптвахте [5, с. 44]. Таким образом, история создания института мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях представляет собой длительный процесс его создания, совершенствования.

Список литературы:

1. Асеев А.Г. Особенности юридической ответственности военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы // Глобализм и миграция: вызов толерантности: материалы международной научной конференции (Новосибирск, 27-28 марта 2014 г.) / авт. коллектив. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. – С. 34-46.
2. Асеев А.Г., Герман Е.С., Казаков М.Н., Лаптев А.А., Ляхов А.В., Меркелов А.А., Полунина С.В., Шевченко И.В. Правоведение. Учебник / Под общей редакцией С.В. Полунина. Новосибирск, 2015. - С 368.

3. Асеев А.Г. Военная полиция в системе правоохранительных органов государства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 13-2. С. 211-214.
4. Асеев А.Г. Военная полиция Российской Федерации: вчера сегодня, завтра // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. / под ред. Н. С. Нижник. В 2-х томах. Т. II. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 53-57.
5. Асеев А.Г. Особенности военно-профессиональной подготовки курсантов в связи с созданием военной полиции // Направления и перспективы развития образования в военных институтах внутренних войск МВД России: Материалы VII Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 28 декабря 2015 г. / под общ. ред. С.А. Куценко. В 2-х частях: Изд-во НВИ им. генерала армии И.К. Яковлева ВНГ РФ, 2016 С. 42-46.

СЕКЦИЯ 2.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙ: КРУПНЫЙ АКЦИОНЕР, КРУПНЫЙ ПАКЕТ АКЦИЙ, МИНОРИТАРНЫЙ АКЦИОНЕР, КОРПОРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ

Бережной Алексей Юрьевич

*студ. заочн. отд. магистерской программы «Корпоративное право»
Оренбургского института
(филиала) ФГБОУ ВО «Московского государственного юридического
университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА)»,
РФ, г. Москва*

Марченко Татьяна Васильевна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права
и процесса Оренбургского института
(филиала) ФГБОУ ВО «Московского государственного юридического
университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА)»,
РФ, г. Москва*

Аннотация. Проведенный анализ понятий «крупный акционер», «крупный пакет акций», «корпоративный контроль», «миноритарный акционер» (простой акционер), позволил выявить особенности приобретения такого статуса и пробелы в законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: ценные бумаги, акция, сделка, крупный пакет акций, более тридцати процентов, контроль, контрольный пакет акций, миноритарий.

Рассмотрение особенностей приобретения крупного пакета акций и выделение данного вида сделок из ряда других сделок с акциями, обусловлено приобретением не только акций как актива, но и

значительного объема корпоративных прав, фактически предоставляющего приобретателю корпоративный контроль, под которым общепринято понимается возможность определять действия и решения компании.

Корпоративный контроль выражается в форме прямого или косвенного контроля, который отличается способом получения влияния (контроля). Возможность определять действия и решения акционерного общества самостоятельно тем лицом, которое приобрело акции (собственник/доверенное лицо) – является сущностью прямого контроля, во втором случае, косвенный контроль устанавливается приобретателем совместно с другими акционерами либо через своих аффилированных лиц.

Правовое регулирование приобретения крупного пакета акций, основывается на недопущении ущемления интересов других лиц, чьи права могут быть затронуты данной сделкой. В данном случае наиболее уязвимыми являются интересы акционеров, владеющих наименьшим количеством акций, имеющих общеизвестное обозначение «миноритарии» (простые акционеры). В российском законодательстве нормативное закрепление терминов «миноритарный акционер» и «крупный акционер» не нашло своего отражения, в отличие от казахстанского, согласно которому под миноритарным акционером признается: «акционер, которому принадлежат менее десяти процентов голосующих акций акционерного общества» (см. пп. 17) ст.1 Закона Республики Казахстан от 13 мая 2003 года № 415-ІІ «Об акционерных обществах» [1] (далее - Закон РК Об акционерных обществах)), а крупным акционером признается: «акционер или несколько акционеров, действующих на основании заключенного между ними соглашения, которому (которым в совокупности) принадлежат десять и более процентов голосующих акций акционерного общества» (см. пп. 23) ст.1 Закона РК Об акционерных обществах [1]).

По мнению А.Г. Диденко: «Казахстанский законодатель выбрал наиболее предпочтительный путь деления участников акционерного общества на крупных и миноритарных не через оценочное понятие «существенного влияния» на принимаемые решения, как это имеет место в России и других странах СНГ, а через определенное количественное понятие.» [6, с. 139].

Понятие крупного участника акционерного общества и его полномочия в полной мере раскрываются через определение, установленное пп.6 ст.2 Закона Республики Казахстан от 31 августа 1995 года № 2444 «О банках и банковской деятельности в Республике

Казахстан» [4] для крупного участника банка, которым является: «физическое или юридическое лицо (за исключением случаев, когда таким владельцем является государство или национальный управляющий холдинг, организация, специализирующаяся на улучшении качества кредитных портфелей банков второго уровня, дочерние организации Национального Банка Республики Казахстан, а также случаев, предусмотренных настоящим Законом), которое в соответствии с письменным согласием уполномоченного органа может владеть прямо или косвенно десятью или более процентами размещенных (за вычетом привилегированных и выкупленных банком) акций банка или иметь возможность:

- голосовать прямо или косвенно десятью или более процентами голосующих акций банка;
- оказывать влияние на принимаемые банком решения в силу договора либо иным образом в порядке, определяемом нормативным правовым актом уполномоченного органа.»

Миноритарные акционеры, владеющие небольшим количеством акций, могут рассчитывать на получение дохода от сделок с акциями, однако не обладают тем набором корпоративных прав, что и крупные акционеры, вместе с тем, не лишены их и при объединении с другими «простыми» акционерами могут достичь общего размера голосов, достаточного для принятия существенных решений. Это следует из Международного стандарта финансовой отчетности (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность», а именно: «акционеры, которые сами по себе или вкуче с другими акционерами владеют по меньшей мере пятью процентами прав голоса, могут созвать внеочередное собрание, чтобы внести изменения в существующую политику в отношении значимой деятельности, но при этом существует требование подачи уведомления другим акционерам, что означает, что такое собрание не может быть проведено в течение по меньшей мере тридцать дней. Изменения в политику в отношении значимой деятельности могут быть внесены только на внеочередных или плановых собраниях акционеров. Это включает утверждение существенных сделок по продаже активов, а также вложение или отчуждение значительных инвестиций» [5].

Наличие существенных корпоративных прав, закрепленных за указанным выше размером акций, владельцем которых является один акционер, необходимость уведомить общество о приобретении права распоряжаться акциями в размере более пяти процентов обыкновенных акций общества (пп. 5 ст. 32.1 Федерального закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [2] (далее - ФЗ Об

акционерных обществах), а также признание Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [1] (далее - ФЗ О рынке ценных бумаг) такого приобретения «существенным фактом» (см. пп. 25) п. 14 ст. 30 ФЗ О рынке ценных бумаг), позволяет в рамках российского законодательства отнести к крупным акционерам акционера, владеющего пятью и более процентами голосующих акций общества.

Вместе с тем, следует отличать понятия «крупный пакет акций» и «контрольный пакет акций», так как «контроль» определяется через возможность соблюсти условия о кворуме, необходимом для проведения собраний акционеров, только лишь числом принадлежащих акционеру голосов, обеспечивающих также наибольшую вероятность принятия общим собранием акционеров решений в интересах акционера, владеющего крупным пакетом акций.

Для проведения общего собрания акционеров, в п.1 ст. 58 ФЗ Об акционерных обществах [2] установлено, что: «Общее собрание акционеров правомочно (имеет кворум), если в нем приняли участие акционеры, обладающие в совокупности более чем половиной голосов размещенных голосующих акций общества». В случае отсутствия кворума, повторное общее собрание акционеров, проводится в случае, если на собрании присутствуют акционеры: «обладающие в совокупности не менее 30 (тридцатью) процентами голосов голосующих акций общества» (см. абз. второй п. 3 ст. 58 ФЗ Об акционерных обществах [2]).

Фактически, указанный выше минимальный размер голосов, требуемый государством для признания общего собрания легитимным, представляет акционерам участникам собрания относительную свободу от воли других акционеров в возможности проведения общего собрания, принятии корпоративных решений и определении действий компании по определенному перечню вопросов. В связи с чем, в качестве крупного пакета акций или пакета акций с минимальным объемом прав корпоративного контроля (относительный контрольный пакет акций), допустимо считать – тридцать процентов голосов, представляемых акциями общества. Кворум – как отправная точка для выведения понятий «крупный пакет акций» и «контрольный пакет акций», является обоснованным ввиду того, что его отсутствие не влечет для акционеров каких либо прав, который могли бы возникнуть в случае наличия кворума и проведения общего собрания акционеров. Данное утверждение справедливо исходя из содержания абз. 2 п. 5 ст. 58 ФЗ Об акционерных обществах [2], согласно которому: «В случае отсутствия кворума для проведения на основании решения суда

внеочередного общего собрания акционеров повторное общее собрание акционеров не проводится».

Вместе с тем, возможность обеспечить кворум, не означает, что решение будет принято в пользу акционера, что позволяет сделать разграничение в понятии «контрольный пакет акций» по принципу вероятности принятия положительного решения общим собранием акционеров относительно числа голосов акционера на: «относительный контрольный пакет акций» и «безусловный контрольный пакет акций».

Таким образом, возможность принимать решения по большинству вопросов деятельности акционерного общества, за исключением тех вопросов, решение по которым принимается единогласно всеми акционерами, принимает форму «абсолютного контроля», имеющего наибольшую экономическую и правовую ценность.

Учитывая положения п. 4 ст. 49 ФЗ Об акционерных обществах [2] относительно необходимости соблюдения кворума в три четверти голосов об общего числа голосов акционеров - владельцев голосующих акций, принимающих участие в общем собрании по таким вопросам как: утверждение устава, внесение изменений в устав, реорганизация, ликвидация общества, иные вопросы относительно акций и порядка совершения обществом крупных сделок, считаем, «абсолютный контроль» достигается при владении акционером более семидесяти пяти процентов голосов от общего числа голосов акционеров, так как в случае участия на собрании всех акционеров, отсутствие указанного размера голосов может повлечь принятие решения, не отвечающего интересам данного акционера.

Изложенное выше предопределяет, что контрольный пакет акций в большей степени является составляющей частью крупного пакета акций, т.к. приобретая крупный пакет акций, акционер вместе с этим, также приобретает определенную часть контроля.

И.С. Шиткина выделяет следующие основные положения, связанные с приобретением крупных пакетов акций:

- особый порядок приобретения акций распространяется на все открытые акционерные общества;
- контроль над акционерным обществом может быть установлен при помощи не только обыкновенных акций, но и иных ценных бумаг;
- существуют две разновидности предложения о приобретении более тридцати процентов акций открытого общества;
- предложения о выкупе акций направляются в адрес акционерного общества;

- наличие особого механизма оплаты выкупаемых акций;
- особый порядок голосования в случае приобретения крупного пакета акций;
- после получения добровольного или обязательного предложения изменяется порядок принятия решений органами управления открытого общества;
- возможность направления в общество конкурирующего предложения;
- исключения из принципа обязательного направления предложения о выкупе;
- особый режим продажи акций лицу, которое приобрело более девяносто пяти процентов акций общества.» [7, с.263].

Вместе с этим, приобретение крупного (контрольного) пакета акций, влечет возникновение для приобретателя определенные Главой XI.1 ФЗ Об акционерных обществах права и обязанности по добровольному и/или обязательному предложению о приобретении акций публичного акционерного общества.

Закрепление в нормативно-правовых актах таких понятий как «крупный акционер», «крупный пакет акций», «контрольный пакет акций», «миноритарный акционер» позволит наиболее четко определить субъект правоотношений и объект сделки, проработать механизм регулирования отношений между акционерами, обладающими различным пакетом акций и самим обществом, представит повод для более детального анализа данных правовых явлений.

Таким образом, предлагаются следующие формулировки указанных выше понятий:

а) Крупный акционер - акционер, который самостоятельно или совместно со своими аффилированными лицами или другими акционерами, действующими на основании заключенного между ними соглашения, которому (которым в совокупности) принадлежат пять и более процентов голосующих акций акционерного общества;

б) Крупный пакет акций – количество акций, представляющее его владельцу право голосовать на общем собрании акционеров более тридцати процентами голосов от общего числа голосующих акций общества;

в) Контрольный пакет акций – крупный пакет акций, предоставляющий его владельцу право определять действия и решения общества;

г) Миноритарный акционер (простой акционер) - акционер, которому принадлежат менее пяти процентов голосующих акций акционерного общества».

Список литературы:

1. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (с изм. и доп. от 03 июля 2016 г. № 292-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 79. Ст. 1918; 2016. № 27. (часть I). Ст. 4225;
2. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с изм. и доп. от 03 июля 2016 г. № 343-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1; 2016. № 27 (часть II). Ст. 4276;
3. Закон Республики Казахстан от 13 мая 2003 года № 415-III «Об акционерных обществах» (с изм. и доп. от 29.03.2016 г. . № 49-VI) // КП. 2003. № 141-142 (24081-24082); 2017. № 4 (2725). Ст. 7.
4. Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 года № 2444 «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан» (с изм. и доп. от 06 мая 2017 г. № 63-VI) // ВВС РК. 1995 год. № 15-16; 2017. № 88 (28467).
5. Приложение «В» к Международному стандарту финансовой отчетности (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28.12.2015 N 217н) (ред. от 27.06.2016) // Официальный сайт Минфина России URL: <http://www.minfin.ru/>, 09.02.2016.
6. Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика. Избранное Том V (Выпуски 36-45) 2010-2017 гг. (Под редакцией доктора юридических наук, профессора А.Г. Диденко). Алматы 2017. С. 139.
7. Шиткина И. С. Корпоративное право / М.: Волтерс Клувер, 2008. – 197 с. С. 263.

ПРАВО МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА) НА ОТКАЗ ОТ ЛЕЧЕНИЯ ПАЦИЕНТА. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Болдырева Наталия Тариеловна

*магистр юриспруденции, кафедра гражданского права КФУ,
РФ, г. Казань*

Арсланов Камиль Маратович

*канд. юрид. наук, доцент,
РФ, г. Казань*

«Право врача по общим болезням или зубного врача принимать в число своих пациентов или отказывать в этом» закрепляет п. 51 Рекомендации МОТ № 69 «О медицинском обслуживании» (Принята в Филадельфии 12 мая 1944 года). Российский закон тоже дает медицинской организации (врачу) право отказаться лечить пациента (ч.3 ст. 70 Закона №323) [1]. Прежние Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан 1993 года в ст. 58 предусматривали основание отказа врача от пациента: несоблюдение пациентом предписаний или правил внутреннего распорядка лечебно-профилактического учреждения. Е.С. Салыгина справедливо отмечает, что прежнее регулирование было более конкретно, чем существующее [14, с.47]. Действующая норма умалчивает, по каким основаниям врач вправе отказаться от наблюдения и лечения пациента.

Интерес вызывает мнение зарубежных коллег по поводу возможных причин отказа. Лора Катц и Джеймс Секстон выделяют следующие ситуации, когда врач вправе отказать пациенту [7].

1. Пациент хочет получить услуги как можно быстрее, спокойнее, удобнее, без осложнений и недорого. Ожидания пациента завышены и не соответствуют реальности.

2. Пациент не желает идти навстречу врачу и следовать его предписаниям.

3. Пациент не способен платить за лечение.

4. Пациент в назначенное время не приходит на прием.

5. Помощь, которую требует оказать пациент, противоречит моральным, религиозным принципам врача. В этом случае необходимо порекомендовать пациенту замену, пусть даже в другой медицинской организации.

6. Пациент требует оказать ему помощь в сфере, которая выходит за пределы профессиональной компетенции врача, за пределами рабочего времени врача, а также вне места его постоянной практики.

7. Пациент буйный или не идет на контакт.

Российская система здравоохранения исходит из невозможности врача отказаться от лечения пациентов во всех перечисленных случаях [13].

Условием для реализации права медицинской организации осуществлять медицинскую деятельность является наличие формального допуска. В науке по данному вопросу делается вывод, что «врач, не имеющий сертификата на оказание необходимой медицинской помощи, не может быть принужден к медицинской деятельности. Это касается интернов, аспирантов, клинических ординаторов и узких специалистов» [15, с.239]. В частности, при оказании скорой медицинской помощи (далее – СМП) данный вывод применим к любым медицинским работникам, хотя бы обладающим сертификатом на медицинскую деятельность, но по другому профилю, нежели чем требует квалификация медицинских работников для оказания СМП. «Такие лица могут оказаться в условиях крайней необходимости, если налицо неотвратимая летальная угроза пациенту без немедленного медицинского вмешательства... ошибка не имеющего сертификата дипломированного врача менее опасна, чем однозначно фатальный исход» [15, с.241]. Закономерен вопрос, что делать в такой обстановке: отказать в медицинской помощи, сославшись на отсутствие соответствующей квалификации, или нарушить медицинские инструкции и оказать помощь больному в целях избежать наступления летального исхода. Согласимся с мнением В.И. Аكوпова, в том, что «врач, в т. ч. находящийся на пенсии, обязан оказывать первую помощь в любом случае, даже если перед ним больной «не его профиля», а затем организовать вызов соответствующего специалиста или доставить больного в медицинское учреждение» [8, с.33]. По мнению О.М. Сариева, что «отсутствие соответствующего сертификата у врача не должно служить основанием наступления ответственности. Нерешительность медицинского работника может привести к необратимости танатогенеза, и он не может быть привлечен к ответственности при отсутствии формального допуска к медицинской деятельности за произведенное в такой обстановке вмешательство» [15, с.244].

Крайняя необходимость при оказании скорой медицинской помощи обусловлена тем, что достижение цели, на которую помощь направлена, невозможно без причинения вреда. Вред причиняется

здоровью пациента, являясь при этом единственным средством достижения поставленной цели – его спасения. В гражданском праве институт крайней необходимости относится к сфере деликтных правоотношений, т.е. возникающих из причинения вреда охраняемым законом правам и интересам, но в отличие от уголовного права, наличие крайней необходимости в гражданском праве, согласно ст.1067 Гражданского кодекса РФ, по общему правилу не освобождает лицо от возмещения причиненного им вреда. Однако суд, учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда, либо освободить от возмещения полностью или частично как это третье лицо, так и причинителя вреда. Норма статьи 1067 ГК РФ является основанием освобождения медицинского работника (врача) от ответственности за причинение вреда здоровью пациента, если будет доказано, что такой работник при оказании скорой медицинской помощи действовал в состоянии крайней необходимости [2].

Необходимо четко различать две ситуации:

- односторонний отказ исполнителя (клиники как юридического лица) от оказания медицинских услуг по соответствующему договору;
- отказ конкретного врача (лица, находящегося с исполнителем в трудовых отношениях) пациенту в лечении).

Если медицинские услуги оказываются на возмездной основе, то согласно ч. 2 ст. 782 ГК РФ исполнитель вправе отказаться от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг при условии полного возмещения заказчику убытков. Нами разделяется мнение С.С. Шевчука о том, что «правовой унификации в рамках данной главы подверглись договоры, правовая природа которых существенно различается» [17]. Поэтому, реализация медицинской организацией в соответствии с п. 2 ст. 782 ГК РФ своего права на отказ от исполнения договора (если она имеет реальную возможность оказать медицинские услуги) неприемлема не только с нравственных позиций и правил медицинской этики, но и в свете того, что подобные действия грубо нарушают конституционные права граждан на охрану здоровья. Указанная точка зрения подтверждается выводами Конституционного суда РФ, изложенными в Определении № 115-О от 6 июня 2002 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав п. 2 ст. 779 и п. 2 ст. 782 Гражданского кодекса Российской Федерации» (См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2003, №1) (далее - Определение). Согласно Определению, «иное, т.е. признание права медицинского учреждения на односторонний отказ от исполнения обязательств, при том что у него

имеется возможность оказать соответствующие услуги, не только приводило бы к непропорциональному ограничению конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь, но и означало бы чрезмерное ограничение (умаление) конституционной свободы договора для гражданина, заключающего договор об оказании медицинских услуг, создавало бы неравенство, недопустимое с точки зрения требования справедливости, и, следовательно, нарушало бы предписания ст. 34, 35 и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации».

По сути, «только объективная невозможность оказания медицинских услуг по договору или установление факта, что они принесут вред жизни (здоровью) пациента или могут содержать в себе неоправданный риск наступления подобных последствий, являются основанием для отказа исполнителя от выполнения своих обязательств» [16, с.75].

В вышеуказанном определении справедливо подчеркивается, что «специфика отношений по оказанию медицинских услуг, обусловленная их непосредственной связью с такими благами, как жизнь и здоровье, требует установления в рамках специального регулирования более детальных правил, регламентирующих предоставление гражданам медицинской помощи в различных формах».

Правовые пробелы выявляются и в регулировании правового статуса медицинской организации при оказании скорой медицинской помощи. Фактически законодательно нет запрета на отказ в оказании скорой медицинской помощи в неотложной форме, при том что прямо закреплен запрет отказа оказания медицинской помощи в экстренной форме. По закону есть только одно условие, когда отказать пациенту нельзя ни при каких обстоятельствах: у больного экстренное состояние с угрозой для жизни. Как показало исследование судебной практики, отказы в оказании скорой медицинской помощи имеют место быть, в том числе и по мотиву отсутствия признаков угрозы жизни и здоровью [3]. При этом теоретически возможен отказ также и ввиду отсутствия у медицинской организации лицензии на соответствующий вид медицинской деятельности, либо же по мотиву несоответствия профиля организации станции или отделению СМП. Необходимо в срочном порядке дать соответствующие разъяснения о порядке действий медицинской организации, не имеющей лицензии на оказание скорой и(или) неотложной медицинской помощи либо не являющейся станцией или отделением СМП, при обращении в такую организацию за оказанием медицинской помощи в экстренной или неотложной форме. Практическая значимость данного разъяснения будет заключаться в установлении критериев правомерности и неправомерности действий медицинской организации при оказании СМП или отказе в её оказании, а следовательно, правомерности или неправомерности вреда, причиненного жизни

и здоровью пациента, и механизма определения размера вреда жизни и здоровью пациента, подлежащего компенсации. Единственными объективными основаниями, по которым допустим отказ в оказании СМП, это:

- отсутствие у врача необходимой квалификации и профессиональной компетенции при условии оказания первой медицинской помощи;
- отсутствие необходимых технических средств, лекарственных средств, материалов и т.д. при условии оказания больному первой помощи.
- массовые эпидемии, эпизоотии, катастрофы, природные катаклизмы и т.д., при которых оказание медицинской помощи в экстренной и неотложной формах всем в ней нуждающимся невозможно;
- алкогольное или наркотическое состояние больного.

Закрепление правового статуса медицинской организации имеет ключевое значение при квалификации правоотношения и определения условий и оснований гражданско-правовой ответственности медицинской организации. Поэтому необходимо установить обязанность медицинского работника при отказе от лечения больного в любом случае по возможности осуществлять меры по устранению объективных причин, препятствующих оказанию медицинской помощи и обеспечение условий, в которых возможно оказание необходимой медицинской помощи, как то: медицинская эвакуация в медицинскую организацию необходимого профиля, устранение последствий алкогольного или наркотического опьянения, обеспечение незамедлительного доставления лекарственных средств по месту оказания помощи и т.д.

Причинение вреда большому количеству людей и как следствие необходимость в массовом оказании скорой медицинской помощи может возникнуть в условиях экстремальной обстановки, в условиях природных, технологических и иных катастроф. В подобных ситуациях оказание медицинской помощи всем больным (пациентам) зачастую оказывается невозможно, и в этой связи Всемирная Медицинская Ассоциация призывает врачей осуществлять так называемую сортировку больных с тем, чтобы доступные ресурсы использовались наиболее эффективно для спасения как можно большего количества жизней [11, с.83-88].

Основанием для выбора методики и средств лечения является, в том числе, и психофизическое состояние больного. При наличии алкогольного или наркотического опьянения существуют медицинские противопоказания врачебного вмешательства. Анестезирующие средства, применяемые при лечении, в сочетании с алкоголем являются большой опасностью для организма человека [4].

Еще одна проблема заключается в определении возможности врача отказать пациенту в лечении, если между ними отсутствует

психологический контакт. Понятие психологического контакта в законодательстве не определено. На IV конференции Ассоциации врачей России в ноябре 1994 г., когда принимался Этический кодекс российского врача, врачебное сообщество сформулировало терминологию отказа: врач имеет право отказаться от работы и передать пациента другому специалисту, если не представляется возможным установить с пациентом терапевтическое сотрудничество [12]. Судебная практика исходит из того, что психологическая совместимость как условие договора с пациентом не противоречит законодательству [5]. Некоторые суды напрямую ссылаются в своих решениях на Этический кодекс российского врача [6].

При оказании медицинской помощи в экстренной и неотложной формах отсутствие терапевтического контакта, по нашему мнению, не может являться основанием для отказа в оказании медицинской помощи, даже если у пациента имеются противопоказания для медицинского вмешательства, о которых врачу неизвестно. При определении размера компенсации вреда, причиненного жизни и здоровью пациента, надлежит руководствоваться статьей 1067 ГК РФ и принимать во внимание, что оценка величины риска негативных реакций организма пациента на медицинское вмешательство и риска причинения вреда ввиду неоказания медицинской помощи должна производиться в пользу последнего.

Список литературы:

1. Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.04.2017) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон №323) // СПС «КонсультантПлюс»
2. См.подробнее о крайней необходимости при оказании медицинской помощи: например, Болдырева Н.Т. Гражданско-правовые аспекты причинения вреда в состоянии крайней необходимости при оказании медицинской помощи больному // «Традиции и новации в системе современного российского права»: материалы XV Международной конференции молодых ученых / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 8-9 апреля 2016 года. С.174-175
3. См., например, Решение Верхнесалдинского городского суда Свердловской области от 24 мая 2016 г. по делу №2-241/2016; Решение Анапского городского суда Краснодарского края от 11 декабря 2012 г. по делу №2-1394/2012; Кассационное определение СК по гражданским делам Саратовского областного суда от 07 декабря 2011 г. по делу №33-6477; Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 12 января 2016 г. по делу N 33-791/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

4. Подробнее о факторах риска при оказании медицинской помощи больным в состоянии алкогольного или наркотического опьянения см. Анестезиология и реаниматология: учебник для вузов / Под ред. О.А.Долиной. - 3-е изд., 2007. - 576 с.
5. Решение Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга от 17.11.2014 по делу № 2–2273/2014 // СПС «КонсультантПлюс»
6. Определение Владимирского областного суда от 10.09.2014 по делу № 33–3179/2014 // СПС «КонсультантПлюс»
7. Laura L. Katz, Esq. & Marshall B. Paul, Esq. When a physician may refuse to treat a patient [Электронный ресурс]. URL: physiciansnews.com/2002/02/14/when-a-physician-may-refuse-to-treat-a-patient. (Дата обращения: 14.06.2017)
8. Акопов В.И. Медицинское право в вопросах и ответах. М., 2000. С.33
9. Анестезиология и реаниматология: учебник для вузов / Под ред. О.А.Долиной. - 3-е изд., 2007. - 576 с.
10. Болдырева Н.Т. Гражданско-правовые аспекты причинения вреда в состоянии крайней необходимости при оказании медицинской помощи больному // "Традиции и новации в системе современного российского права": материалы XV Международной конференции молодых ученых / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 8-9 апреля 2016 года. С.174-175.
11. Гуревич К.Г., Тищенко П.Д., Фабрикант Е.Г., Юдин Б.Г. Этические проблемы оказания медицинской помощи в чрезвычайных ситуациях // Издательство московского гуманитарного университета. - Москва. 2007. – С.83-88
12. Гурочкин Ю. Д., Дерягин Б. Д., Яценко Е. Ю. Медицинское право. М.: Экзамен, 2007.
13. Куранов В.Г. Право врача отказаться от пациента // Правовые вопросы в здравоохранении. 2017. №4.
14. Сальгина Е. С. Отказ пациенту в лечении и односторонний отказ исполнителя от выполнения договора на оказание медицинских услуг: опыт России и США // Медицинское право. 2013. № 2. С. 46–49.
15. Сариев О.М. Крайняя необходимость в медицинской деятельности и условия ее правомерности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 11 (139). С. 239-245
16. Старчиков М.Ю. О некоторых аспектах правового статуса медицинской организации как субъекта гражданско-правовой ответственности // Журнал "Гражданин и право". 2016. №6. С.75-79
17. Шевчук С.С. Личные неимущественные права граждан в сфере медицинских услуг по гражданскому законодательству России: Дисс. ... к.ю.н. Ростов-н/Д., 2005.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНИМОСТИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ К ЛИЦАМ, ВХОДЯЩИМ В СОСТАВ ОРГАНОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Болдырева Наталия Тариеловна

*магистр юриспруденции,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
РФ, г. Казань*

Вопрос о том, признаются ли органы юридического лица (в том числе единоличный исполнительный орган), представителями юридического лица или являются «частью» юридического лица, в науке и судебной практике остается дискуссионным. Главная проблема заключается в вопросе о применимости к директорам норм о представительстве, в том числе устанавливающих особый характер ответственности директора как представителя юридического лица.

В соответствии с п.1 ст.53 ГК РФ, «юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие от его имени в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом». Федеральным законом от 29.06.2015 N 210-ФЗ из данной нормы была исключена прямая отсылка к п.1 ст.182 ГК РФ, и на сегодняшний день в федеральном законодательстве вновь отсутствует норма, определяющая статус директора юридического лица как его представителя в смысле главы 10 ГК РФ.

Согласно прежней редакции п.1 ст.53 ГК, отсылавшей к нормам о представительстве, именно директор юридического лица лично несет гражданско-правовую ответственность в виде возмещения убытков (п.3 ст.183 ГК РФ). Сейчас же по смыслу ГК РФ сделка, совершенная директором (к примеру, утратившим полномочия), в силу неприменения специальных последствий нарушения полномочий по ст.183 ГК РФ, просто признается недействительной (например, на основании ст.168 или 173.1 ГК РФ) с соответствующими последствиями. Вместе с тем, сохраняют силу последние разъяснения высшей судебной инстанции [1]:

а) о применении к директору ЮЛ положений п.1, 3 ст.182 ГК РФ о запрете на совершение им сделок в отношении себя лично, а также в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случаев последующего одобрения сделки и

случаев, когда в законах об отдельных видах юридических лиц установлены специальные правила совершения сделок единоличным исполнительным органом (например, п.1 ст.84 ФЗ "Об акционерных обществах", п.5 ст.45 ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью") [2].

б) о применении к директору ЮЛ положений ст.183 ГК РФ о последствиях заключения сделки неуполномоченным лицом (т.е. при отсутствии либо превышении полномочий на совершение такой сделки), за исключением случаев совершения сделки с выходом за пределы полномочий представителя или установленных учредительными и иными документами ЮЛ ограничений (ст.174 ГК РФ) [3].

Очевидно, что, положения п.121 и п.122 ППВС РФ №25 в настоящей редакции не согласуются с положениями ст.53 ГК РФ. Эти разъяснения содержат указание на "особый характер представительства ЮЛ, которое приобретает гражданские обязанности через свои органы", однако не "привязаны" к содержанию статьи 53 ГК. То есть фактически положения ППВС №25 о представительстве к органам ЮЛ носят лишь характер аналогии закона.

Таким образом, исключение из п.1 ст.53 ГК РФ отсылки к нормам о представительстве снова привело к проблеме отсутствия единого понимания природы органов юридического лица и проблеме неопределенности в применении норм об ответственности представителей к директорам. Более того, законодатель сделал шаг назад на пути унификации российского корпоративного законодательства с правом некоторых зарубежных стран, правовые порядки которых признают органы юридического лица их законными представителями и устанавливают соответствующие этому статусу меры ответственности [4].

Сравнительно-правовой анализ законодательства РФ и Германии позволил выявить проблему оформления полномочий директора ЮЛ как представителя. ГК РФ предусматривает 3 вида представительства: в силу закона; по доверенности и представительство, явствующее из обстановки. Последняя разновидность представительства ("из обстановки"), по нашему мнению, не применима в отношении директора, и соответствующую норму необходимо внести в ГК РФ. "В Германии орган как представитель отличается от юридического лица, и он указывается в реестре, в котором также названы его полномочия: сделки, которые он может совершать, и т.д." [5, с.6-13]. Поэтому в целях публичной доступности информации о полномочиях директора

как представителя следует оформлять такие полномочия посредством их записи в ЕГРЮЛ аналогично правопорядку Германии.

В связи с вышесказанным считаем необходимым признать директора законным представителем юридического лица с учетом теории "представительства особого рода" [6, с.172-173; 7, с.312].

Таким образом, законодательное закрепление статуса лиц, входящих в состав органов юридического лица, в качестве представителей последнего, на наш взгляд, будет более точно отражать природу правоотношений между юридическим лицом и его органами. Под представительством понимается заключение одним лицом (представителем) в пределах принадлежащего ему полномочия сделки от имени другого лица (представляемого), правовое последствие которой наступает непосредственно в лице представляемого [6, с.113; 9, с.341-351]. Полагаем, что классическое понимание сущности представительства описывает модель правоотношений, возникающих при заключении сделок органами юридического лица с третьими лицами.

Весомым аргументом в пользу представительской теории органов юридического лица считаем, что более эффективным с точки зрения механизма ответственности будет прямой законодательный запрет для органа юридического лица совершать сделки в отношении себя лично и в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является (п.3 ст.182 ГК РФ). В этом случае будет действовать специальное по отношению к ст.53.1 ГК РФ регулирование нормами о представительстве, при котором факта выхода за пределы полномочий органа будет достаточно для применения мер ответственности по ст.183 ГК РФ при отсутствии последующего одобрения представляемого (юридического лица), в то время как по ст.53.1 ГК РФ ответственность наступает за причинение убытков, которое необходимо доказывать. Более того, применение к органам юридического лица запрета, предусмотренного п.3 ст.182 ГК РФ, повысит эффективность механизма их ответственности в холдингах и структурах холдингового типа, где одно лицо может являться одновременно директором нескольких юридических лиц.

И в заключение отметим, что современное корпоративное право России должно в первую очередь обеспечивать стабильность и развитие гражданского оборота, а сделать это возможно только за счет действенного механизма ответственности. В связи с вышеизложенным полагаем, что устранение названных недостатков правового регулирования будет способствовать оптимизации этого механизма.

Список литературы:

1. См. Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 года №25 "О применении судами некоторых положений Раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" (далее по тексту - ППВС РФ №25).
2. См. подробнее: п.121 ППВС РФ №25
3. См. подробнее: п.122 ППВС РФ №25
4. См., например: §26, 31, 179, 181 Германского гражданского уложения; ст. 38 Общих положений гражданского права КНР, ст. 13 Закона КНР «О компаниях»; в английском праве (Article 43 of The Companies Act 2006) - заключение директором, действующим в лице "агента", договоров "от имени компании" (on behalf of the company).
5. Суханов Е.А. "Корпоративное соглашение - это бомба под весь наш оборот" (Интервью Евгения Суханова). Закон. 2014. №7.
6. Рясенцев В. А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. М.: Статут, 2006.
7. Шапп Я. Система германского гражданского права. М., 2006.
8. Tuhr A. Der allgemeine Teil des deutschen burgerlichen Rechts. Munchen und Leipzig, 1918. Bd. 2. Halfte 2.

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В США

Печенкин Алексей Евгеньевич

*независимый исследователь,
РФ, г. Новосибирск*

В Соединенных Штатах со времени «Великой депрессии» и сберегательных и кредитных кризисов послевоенных годов, образовался рынок просроченной задолженности, и некоторые финансисты решили, что помощь во взыскании этой задолженности может оказаться прибыльным делом. Практика оказалась настолько успешной, что вслед за США коллекторские агентства распространились по всему миру. Ключевым для американских коллекторов является закон о справедливом взыскании долгов вступивший в силу 20 сентября 1977 году. Он стал ключевым способом защиты потребителей от злоупотреблений при взыскании долгов, наряду с Законом о защите прав кредитных должников [1].

Для нас он интересен в первую очередь тем, что именно в нем урегулирована деятельность коллекторских агентств в США. В законе определены его цели:

1. Устранение злоупотреблений при сборе потребительских кредитов, содействие при сборе задолженности;
2. Создание условий для оспаривания задолженности
3. Получения информации о долге в целях обеспечения правильности суммы долга.

Закон определяет случаи, которые не подлежат взысканию коллектором. Это задолженность, возникшая из личных, семейных или бытовых сделок. Таким образом, долги юридических или физических лиц для коммерческих целей не подпадают под действие данного закона.

Также в законе закреплены руководящие принципы, коллекторской деятельности, определяет права потребителей и предусматривает ответственность и средства правовой защиты в случае нарушения требований закона.

Первым и очень важным достоинством закона является легальное закрепления понятия «коллектор». Так согласно закону, коллектор – это любое лицо, использующее любые способы, основной целью которого является сбор каких - либо долгов, или тот, кто регулярно собирает или пытается собирать, прямо или косвенно, долги.

Закон требует идентифицировать себя и уведомлять должника, в каждом сообщении о том, что сообщение от коллекторского агентства. Также необходимо в каждом сообщении указывать, что любая полученная информация будет использоваться только для взыскания задолженности. Предоставить наименование и адрес первоначального кредитора, по письменному требованию потребителя в течение 30 дней с момента получения уведомления.

Уведомить должника о его праве оспаривать долг, частично или полностью.

Коллектор обязан обеспечить для должника возможность проверки долга. Должник может направить письменный запрос на проверку наличия и объема задолженности. Коллектор в течение 30 дней с момента получения запроса, должен либо отправить потребителю запрашиваемую информацию или прекратить взыскание задолженности. Ответ на запрос должен включать в себя как минимум сумму задолженности, имя и адрес первоначального кредитора.

Если коллектор решит подать в суд, то иск обязательно подается по месту жительства должника.

Закон запрещает определенные два вида действий, это оскорбительные действия и вводящие в заблуждение потребителя при осуществлении коллекторской деятельности.

Так как оскорбительным закон относит звонки до 8 утра и после 9 вечера по местному времени. Продолжение звонков и встреч, если потребитель не желает никакого дальнейшего общения или отказывается погасить задолженности, за некоторыми исключениями, включая консультирование, сообщение о подаче иска в суд или при использовании других средств правовой защиты.

Интересным является тот факт, что оскорбительными являются звонки в рабочее время, если это неприемлемо или запрещено работодателем.

Встречи с должником, если он сообщил, что взаимодействие с ним возможно только через адвоката. Контакты с должником после запроса правильности расчета задолженности. Запроса должника для проверки задолженности производится в течение периода 30 дней. В отчете, предоставляемом должнику обязательно должен быть указан первоначальный кредитор и его адрес.

Запрещено обманывать или вводить должника в заблуждение, искажая размер задолженности или сообщая, что коллектор является сотрудником правоохранительных органов. Также закон запрещает требовать неоправданно большие суммы, которые не допускаются в

соответствии с действующим договором или как это предусмотрено в соответствии с действующим законодательством [1, с. 35].

Угрожать арестом или иным юридическим действием, которое либо запрещено или не предусмотрено законом. Вести себя оскорбительно или используя вульгарный.

Запрещено распространять сведения перед третьими лицами, за исключением супруга или адвоката должника. Но коллекторы могут связаться с соседями или коллегами, но только для получения информации о местонахождении.

Изначально контрольно – надзорные полномочия были возложены на федеральную комиссию по торговле. Она имела право в административном порядке обеспечивать соблюдение закона. После реформ в 2010 году эти функции возлагаются на Бюро защиты потребителей финансовых услуг. Комиссия сохраняет надзорные функции, а бюро возьмет на себя функцию консультативные функции [2].

Федеральная комиссия по торговле выпускает ежегодный доклад Конгрессу о своих выводах в отношении его правоприменительной практики. В этом докладе подробно озвучиваются жалобы потребителей о предполагаемых нарушениях закона. В Отчете за 2013 указано, что было получено больше 120 тысяч жалоб должников на действия коллекторов. Это больше чем в любой другой отрасли, хотя количество жалоб представляет собой небольшой процент от общего числа должников, взаимодействующих с коллекторскими агентствами [3].

Некоторые штаты, такие как Калифорния, имеют аналогичные законы о коллекторской деятельности, которые создают дополнительные гарантии для должников. Кроме того, некоторые федеральные суды постановили, что коллектор не является кредитором, а поэтому подлежит специальному регулированию.

В соединенных штатах в рамках англо – саксонского права очень важное значение имеют прецеденты, в том числе для коллекторской деятельности. Так в деле Смит против Соединенных Штатов, суд определил, что ссылка заявителя на закон при осуществление коммерческой деятельности несостоятельна и законодатель должен создать специальные нормы для защиты лиц при осуществлении предпринимательской деятельности. Поэтому в 1998 году Конгресс внес изменения в Кодекс внутренних доходов путем добавления нового раздела 6304 «Справедливый сбор налогов», который создает схожее правовое регулирование при сборе налогов, как с физических, так и юридических лиц.

В США очень большое внимание уделяется административному контролю и надзору, который обеспечивает специальный орган – Бюро

защиты потребителей финансовых услуг. Также большое значение имеют, как федеральные, так и законы штатов. Российское регулирование очень схоже с американским и если законодатель планирует расширять правовое регулирование коллекторской деятельности, то в первую очередь необходимо урегулировать работу с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, так как именно на этом направлении работает американская практика. Из американской практики также можно сделать вывод об определенной эффективности создания специального органа, имеющего административные, консультативные и иные полномочия помимо надзорных для эффективного регулирования деятельности коллекторских агентств [4].

Список литературы:

1. Fair debt collection practices act [Электронный ресурс]. – URL: https://www.law.cornell.edu/wex/fair_debt_collection_practices_act. (дата обращения: 07.06.2017)
2. Administrative enforcement [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/1692l> (дата обращения: 07.06.2017).
3. Federal Trade Commission Annual Report 2013, Fair Debt Collection Practices Act [Электронный ресурс]. – URL: http://files.consumerfinance.gov/f/201303_cfpb_March_FDCPA_Report1.pdf (дата обращения: 07.06.2017).
4. Smith v. United States, United States Court of Appeals for the Fifth Circuit [Электронный ресурс]. – URL: <http://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/216/724/158598/> (дата обращения: 07.06.2017)

АНАЛИЗ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И КОНТРОЛЯ ТОВАРИЩЕСТВА СОБСТВЕННИКОВ НЕДВИЖИМОСТИ

Печенкин Алексей Евгеньевич
независимый исследователь,
РФ, г. Новосибирск

Товарищество собственников недвижимости – это новая перспективная организационно-правовая форма некоммерческой корпорации, которая позволяет объединить владельцев любых видов недвижимого имущества независимо от места его нахождения для

решения практических вопросов совместного управления недвижимым имуществом. Эффективность складывается из двух элементов заинтересованности самих членов товарищества и четкости, полноты правового регулирования его деятельности.

Товарищество собственников недвижимости, как и любое другое юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы. Для согласования интересов участников общей собственности как между собой, так и с третьими лицами товарищество собственников недвижимости образует органы управления и контроля. Такие органы можно разделить на высшие, исполнительно – распорядительные и контрольные. Корпорация предполагает формирование высшего органа управления корпорацией – общего собрания членов товарищества собственников недвижимости. Общее собрание, как отмечал корифей отечественной цивилистики, выражает волю этого субъекта и своими постановлениями определяет, в пределах устава, его деятельность, оно служит органом выборов и окончательную инстанцией для решения всех существенных и критических вопросов управления и хозяйства [1, с. 216].

Общее собрание или иной высший орган (если число членов более ста высшим органом может являться съезд, конференция), обладает исключительной компетенцией по вопросам определения приоритетных направлений деятельности товарищества. Компетенцию общего собрания членов товарищества можно разделить на уставную, экономическую и организационную.

К уставной компетенции можно отнести принятие устава товарищества, внесение в него изменений и дополнений. Эти полномочия не могут быть переданы им для решения другим органам корпорации. Экономические полномочия — это, например, решения по предоставлению сервитутов, принятие решений о строительстве построек различного назначения, решения о получении заемных средств, включая банковские кредиты, определение направлений использования дохода от хозяйственной деятельности товарищества, так же установление размера обязательных платежей и взносов членов товарищества [2, с. 126].

К организационным полномочиям относится избрание правления и ревизионной комиссии, утверждение годового финансово-хозяйственного плана и отчета о его выполнении, образование специальных фондов товарищества, принятие и изменение по представлению председателя правления правил внутреннего

распорядка обслуживающего персонала товарищества, положения об оплате их труда.

Общее собрание членов товарищества собственников жилья правомочно, если на нем присутствуют более половины членов товарищества или их представителей. Решение общего собрания может быть принято путем проведения заочного голосования. Для принятия решения по отдельным вопросам требуется квалифицированное большинство. По остальным вопросам решения принимаются большинством голосов присутствующих на общем собрании членов товарищества или их представителей. Общее собрание товарищества ведет председатель правления или его заместитель. В случае их отсутствия — один из членов правления. При отсутствии вышеуказанных лиц председательствующий может быть избран из числа членов товарищества [1, с. 35].

Для ведения текущей работы, организации выполнения принятых решений общее собрание избирает исполнительно-распорядительный орган — правление. Уставом товарищества определяется срок деятельности правления, который не должен превышать двух лет. Правление товарищества осуществляет руководство текущими делами товарищества и принимает решения по вопросам, которые не отнесены к исключительной компетенции общего собрания. В его обязанности правления товарищества входит контроль за внесением взносов, составление смет доходов и расходов на соответствующий год и отчетов о финансовой деятельности, предоставление их общему собранию членов товарищества для утверждения, ведение реестра членов товарищества, делопроизводства, бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности, созыв и проведение общего собрания членов товарищества. Заседания правления созываются председателем в сроки, установленные уставом товарищества, и признаются правомочными при участии в них большинства членов правления.

В любой корпорации для ведения текущей работы образуется единоличный исполнительный орган, фактически единоличный орган корпорации самостоятельно выражает волю юридического лица вовне. Руководит деятельностью товарищества председатель, порядок избрания которого и его полномочия, определяет общее собрание товарищества при разработке устава. Он обеспечивает выполнение решений, принятых общим собранием или правлением, даёт указания и распоряжения всем должностным лицам товарищества, исполнение которых для указанных лиц обязательно. Он действует от имени товарищества без доверенности, подписывает платежные документы и совершает сделки, которые не требуют обязательного одобрения

правлением товарищества или общим собранием его членов, разрабатывает и выносит на утверждение общего собрания членов правила внутреннего распорядка товарищества в отношении работников, в обязанности которых входят содержание и ремонт имущества, положение об оплате их труда, утверждение иных внутренних документов товарищества. [3, с. 60]

Контрольным органом товарищества является ревизионная комиссия или ревизор, которые избираются общим собранием. Если создана ревизионная комиссия товарищества собственников жилья, то из своего состава, она избирает председателя ревизионной комиссии. Контрольный орган проводит плановые ревизии финансово-хозяйственной деятельности товарищества не реже одного раза в год, представляет общему собранию заключения по бюджету, годовому отчету и размерам обязательных платежей и взносов. В состав ревизионной комиссии не могут входить члены правления товарищества.

Проведенный анализ органов товарищества собственников недвижимости позволяет сделать вывод, о существовании определенных проблем в их правовом статусе. Например, представляется разумным, что только к исключительной компетенции общего собрания должны быть отнесены следующие вопросы: о материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу товарищества, о вхождении его в союзы (объединения) и выходе из них. Так же видится необходимым наделить ревизионную комиссию дополнительными полномочиями по контролю над деятельностью правления и председателя правления, с целью борьбы с возможными нарушениями прав и законных интересов членов товарищества [4, с. 7]

Список литературы:

1. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права // М.: Московское научное издательство. 1919 - С.389.
2. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право // М.: Статут. 2014 – С. 456.
3. Харитоновна Ю.С. Управление в корпорации: новеллы гражданского кодекса // Вестник ТвГУ «право». 2015. №2. С.57 – 66.
4. Жмурко С.Е. Садоводов внесли в кодекс. Какие изменения ждут садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие объединения граждан // Юрист спешит на помощь. 2014. N 10. С. 6 - 8.

СЕКЦИЯ 3.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Иванов Святослав Вячеславович

*аспирант кафедры государственного и муниципального права
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
РФ, г. Омск*

Конституция РФ как Основной закон страны, обладающий высшей юридической силой и абсолютным верховенством на всей её территории и во всей отечественной правовой системе, установила социально-экономические основы единства Российского государства и его территориальной целостности. Последние, прежде всего, выступают залогом единства многонационального народа РФ как носителя и исключительного источника всей публичной политической власти в стране (ст. 3 Конституции РФ), поскольку без надлежащего организационно-правового обеспечения необходимого жизненного уровня в стране государство способно потерять доверие составляющего народ населения, утратив легитимность. Кроме того, образующиеся между субъектами любого федеративного государства экономические связи являются по своей природе самыми прочными среди всех функциональных связей составляющих федерацию субъектов [1], что позволяет говорить о социально-экономических основах единства государственной власти Российской Федерации. Наконец, потеря этих экономических связей грозит для любой федерации сецессией, что уже наблюдалось в отечественной истории (распад СССР), что свидетельствует о наличии социально-экономических основ территориальной целостности страны и необходимости их обеспечения.

Среди конституционно-правовых гарантий единства и территориальной целостности Российской Федерации в социально-

экономической сфере выделяются 1) конституционный принцип обеспечения единства экономического пространства и 2) выравнивание уровня социально-экономического развития субъектов РФ.

1. Конституционный принцип обеспечения единства экономического пространства. Исследователи проблем конституционного права обычно понимают под единством экономического пространства Российской Федерации особое правовое состояние системы экономических отношений Российской Федерации в сфере производства, обмена, распределения и перераспределения товаров, услуг и финансовых средств на территории, находящейся под юрисдикцией РФ, при котором обеспечивается целостность экономики, её регулирования, а вертикальные и горизонтальные экономико-правовые связи внутри данной системы шире и прочнее, чем её внешние связи, а также чем связи внутренние для её отдельных подсистем (российские регионы, экономические районы, муниципальные образования) [2]. Такое состояние экономического пространства достижимо лишь при единстве финансовой системы (включая денежно-кредитную, валютную, бюджетную и налоговую системы) [3], таможенной системы, единстве стандартов, эталонов, измерений.

В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ). Общие конституционные гарантии *единства финансовой системы* установлены в ст. 71 (п. «е», «ж», «з»), 106 (п. «а» – «в»), 113 (п. «б» ч. 1) Конституции РФ. Основы *единства денежно-кредитной системы* страны заложены в ст. 75 Конституции РФ, согласно которой единственной денежной единицей в Российской Федерации установлен рубль. Согласно ч. 1 ст. 75 Конституции РФ и п. 2 ст. 4 и ст. 29 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [4] право эмиссии наличных денег принадлежит исключительно Центральному Банку РФ (далее – ЦБ РФ). Его основной функцией в Конституции РФ обозначена защита и обеспечение устойчивости рубля, а сам ЦБ РФ конституционно отнесён к числу органов государственной власти (ч. 2 ст. 75). Конституционным принципом его деятельности является независимость (ч. 2 ст. 75 Конституции РФ), которая обеспечивается особым порядком назначения на должность и освобождения от должности Председателя ЦБ РФ (п. «г» ст. 83, п. «в» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ). Заметим, что в литературе встречается суждение о том, что стремительная девальвация рубля в конце 2014 г. – наглядный пример невыполнения ЦБ РФ своей основной функции [5]. Представляется,

что необходимо конституционно расширить круг субъектов, выступающих с предложением об освобождении Председателя ЦБ РФ от занимаемой должности.

Конституционные положения о финансовом регулировании в сфере исключительного ведения Российской Федерации получили развитие в нормативном закреплении принципа *единства бюджетной системы* (ст. 29 Бюджетного кодекса РФ [6], далее – БК РФ). В БК РФ развиты нормы ст. 80 Конституции РФ: составление проектов бюджетов основывается на положениях послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, определяющих бюджетную политику в Российской Федерации (п. 2 ст. 172). Некоторые конституционно-правовые гарантии единства бюджетной системы заложены в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [7] (п. 2 ст. 26.13).

Единство финансовой системы основывается также на действии *конституционного принципа единства налоговой системы*. Установление общих принципов налогообложения и сборов находится в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов (п. «и» ст. 72 Конституции РФ), но эти общие принципы устанавливаются исключительно федеральным законом (ч. 3 ст. 75 Конституции РФ). Последнее конституционное положение в системной взаимосвязи с ч. 1 ст. 76 Конституции РФ означает *de facto* отнесение общих принципов налогообложения и сборов к сфере собственного ведения Российской Федерации – необходимо устранить сложившееся конституционное противоречие. Кроме того, следует уточнить пространную формулировку «общие принципы налогообложения и сборов».

Конституция РФ (ст. 74) устанавливает, что на территории Российской Федерации не допускается установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (ч. 1), а какие-либо ограничения могут вводиться в соответствии с федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей (ч. 2). В сказанном проявляется *единство таможенной системы* Российской Федерации.

Единство стандартов, эталонов, измерений. Стандарты, эталоны, метрическая система и исчисление времени, официальный статистический и бухгалтерский учёт находятся в исключительном ведении Российской Федерации (п. «р» ст. 71 Конституции РФ). В отсутствие единых стандартов, эталонов, измерений на всей

территории страны невозможна выработка единых методов оценки соответствия производимой продукции единым требованиям, единых принципов разработки и применения технических регламентов, без чего невозможно говорить о единстве экономического пространства.

2. Выравнивание уровня социально-экономического развития субъектов РФ. В целях выравнивания социально-экономического развития субъектов РФ действуют правовые механизмы, имеющие целью обеспечение необходимых и достаточных налоговых поступлений в бюджеты субъектов РФ, а также сокращения различий в уровне бюджетной обеспеченности субъектов РФ посредством предоставления им межбюджетных трансфертов. Приходится констатировать, что в Конституции РФ принцип выравнивания социально-экономического развития субъектов РФ не получил своего закрепления, что является безусловным конституционным пробелом. В регулировании основ отечественной бюджетно-налоговой политики конституционный законодатель ограничился бланкетными конституционными нормами, действие которых представляется недостаточным для обеспечения единства и территориальной целостности страны. Между тем, данный конституционный принцип и основы финансовой политики закреплены в конституциях многих зарубежных государств (п. 4 ст. 104а, пп. 2 п. 3 ст. 106 Основного закона ФРГ [8, с. 103], ст. 99, 100, 129-131 Конституции Швейцарии [8, с. 246, 254, 255]). Необходимо закрепить данный конституционный принцип и конкретизировать его в конституционных положениях, обеспечивающих необходимые налоговые поступления в субъекты РФ и их налоговую и бюджетную самостоятельность.

Список литературы:

1. Казанник А.И. Конституционно-правовые гарантии единства и территориальной целостности современных федеративных государств (сравнительный анализ) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 38.
2. Кузовкин Д.В. Обеспечение единства экономического пространства Российской Федерации: Конституционно-правовое исследование: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 7-8.
3. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник. М., 2005. С. 312.
4. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ, 15.07.2002, № 28, ст. 2790.
5. Егоров В. За кого играет курс? // ЭЖ-Юрист. 2015. № 34. С. 12.

6. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ // СЗ РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3823.
7. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ, 18.10.1999, № 42, ст. 5005.
8. Конституции зарубежных государств. Учебное пособие / Сост.: Маклаков В.В. М., 2002.

К ВОПРОСУ ПОВЫШЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ

Темирова Барията Гаджиевна

*аспирант Уральского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
РФ, г. Екатеринбург*

В настоящей статье рассмотрены направления повышения эффективности бюджетных расходов в системе государственного/муниципального финансового контроля в условиях бюджетирования, ориентированного на результат. В статье сделан вывод о том, что в современных условиях реформирования бюджетной сферы, наряду с созданием общих стимулов для повышения эффективности бюджетных расходов, требуется применение единых критериев для определения функциональной эффективности использования бюджетных средств.

Мероприятие по повышению функциональной эффективности бюджетных расходов, утвержденное Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2013 №2593-р «Об утверждении Программы повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года» включает в себя создание системы анализа эффективности бюджетных расходов, которое в свою очередь основывается на следующих базовых подходах: анализ эффективности бюджетных расходов на всех стадиях бюджетного процесса; сопоставимость объекта анализа; оценка всей совокупности финансовых, административных и иных ресурсов; независимость оценки; публичность и общедоступность промежу-

точных и итоговых результатов анализа; учет результатов анализа эффективности бюджетных расходов для будущих бюджетных циклов.

Учитывая отсутствие единых критериев для определения эффективности бюджетных расходов, представляется затруднительным создание устойчивой, действенной системы управления общественными (государственными и муниципальными) финансами.

Органы государственного (муниципального) внешнего/внутреннего контроля руководствуясь принципом эффективности использования бюджетных средств, закрепленным в ст.34 БК РФ, применяют понятие «неэффективное использование бюджетных средств». Необходимо отметить, что принцип эффективности использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности)[1].

В пункте 23 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что при рассмотрении дел о защите деловой репутации, дел об оспаривании предписаний уполномоченных органов, а также иных категорий дел, при рассмотрении которых может подниматься вопрос об обоснованности выводов уполномоченных органов о неэффективном использовании бюджетных средств, судам необходимо учитывать, что участники бюджетного процесса в рамках реализации поставленных перед ними задач и в пределах выделенных на определенные цели бюджетных средств самостоятельно определяют необходимость, целесообразность и экономическую обоснованность совершения конкретной расходной операции.

Согласно ст.152 БК РФ участниками бюджетного процесса являются: Президент Российской Федерации; высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, глава муниципального образования; законодательные (представительные) органы государственной власти и представительные органы местного самоуправления (далее - законодательные (представительные) органы); исполнительные органы государственной власти (исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований); Центральный банк Российской Федерации; органы государственного (муниципального) финансового контроля; органы управления государственными внебюджетными

фондами; главные распорядители (распорядители) бюджетных средств; главные администраторы (администраторы) доходов бюджета; главные администраторы (администраторы) источников финансирования дефицита бюджета; получатели бюджетных средств.

Согласно п.5 указанной статьи участники бюджетного процесса вправе осуществлять бюджетные полномочия, установленные БК РФ, при условии включения сведений о данных бюджетных полномочиях в реестр участников бюджетного процесса, а также юридических лиц, не являющихся участниками бюджетного процесса, формирование и ведение которого осуществляется в порядке, предусмотренном БК РФ. Таким образом, определяя неэффективное использование бюджетных средств, контрольный орган должен убедиться, является ли проверяемое учреждение участником бюджетного процесса, в противном случае возможно обжалование акта контрольного органа в судебном порядке.

В связи с этим конкретная расходная операция может быть признана неэффективным расходованием бюджетных средств только в случае, если уполномоченный орган докажет, что поставленные перед участником бюджетного процесса (при соблюдении данного условия!) задачи могли быть выполнены с использованием меньшего объема средств или что, используя определенный бюджетом объем средств, участник бюджетного процесса мог бы достигнуть лучшего результата.

Все острее звучит вопрос определения ответственности за неэффективное использование бюджетных средств. Так, например, за нецелевое использование предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность. Статья 15.14 КоАП РФ предусматривает ответственность за нецелевое использование средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов [2]. Если такое действие не содержит уголовно-наказуемого деяния, то оно влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 20 000 до 50 000 руб. (или дисквалификацию на срок от 1 до 3 лет), а на юридические лица - от 5 до 25% суммы средств, полученных из бюджета бюджетной системы РФ, использованных не по целевому назначению.

Если действие содержит уголовно наказуемое деяние, оно попадает под ст. 285.1 «Нецелевое расходование бюджетных средств» УК РФ. Деяние наказывается штрафом в размере от 100 000 до 300 000 руб. или в размере заработной платы, иного дохода осужденного за период от 1 до 2 лет, либо принудительными работами на срок до 2 лет

с лишением права занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового, либо арестом на срок до 6 месяцев, либо лишением свободы на срок до 2 лет с лишением права занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового [3].

Актуальность введения соответствующих мер ответственности за неэффективность бюджетных расходов вызвана необходимостью повышения и введения новых стандартов проведения контроля над использованием бюджетных средств.

Важным элементом бюджетного процесса является внутренний/внешний контроль, который обеспечивает эффективность функционирования государственной/муниципальной финансовой системы. Под финансовым внутренним/внешним контролем понимается система мероприятий органов внутреннего финансового/внешнего контроля по проверке законности, целесообразности и эффективности действий по формированию, распределению и использованию финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении федерального правительства, а также региональных и местных органов власти.

Переход организации бюджетного процесса в России на принципы результативности бюджетных расходов требует от контролирующих органов создания адекватных методов и инструментов государственного финансового контроля, которые позволят определять степень достижения запланированных социально-экономических результатов и тем самым дать оценку эффективности использования государственных средств получателями бюджетных средств [4, с.47].

Значимость содержащихся в статье проблем заключается в обеспечении результативности работы государственных/муниципальных контрольных органов на всех этапах бюджетного процесса и эффективного выполнения их распорядителями и получателями возложенных на них функций. Внедрение критериев эффективности использования бюджетных средств можно рассматривать как важный этап в процессе совершенствования государственного/муниципального финансового контроля, что приведет к изменению подходов к проведению контрольных мероприятий.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ// «Российская газета» от 12 августа 1998 г. № 153-154, Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г. № 31 ст. 3823

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017)
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.07.2017)
4. О.И.Карелина, Развитие аудита эффективности государственных расходов// Международный бухгалтерский учет, № 30(324) – 2014, С.42-51

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Худяков Андрей Вячеславович

*канд. юрид. наук, доц. кафедры государственно-правовых дисциплин,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации,
РФ, г. Москва*

Аннотация. Целю статьи является необходимость качественного правового регулирования вопросов обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации. Существующие на сегодняшний день правовые акты имеют стратегическую направленность, и требуют дальнейшей реализации как в федеральном законодательстве, так в нижестоящих по юридической силе нормативно-правовых актах. Кроме того, необходимо приведение нормативно-правовой базы в соответствие с новыми политическими и экономическими реалиями.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, национальная безопасность, нормативно-правовое регулирование, принятие нового федерального закона.

Продовольственная безопасность на современном этапе развития любого государства занимает одно из центральных мест в системе как экономической, так и в целом национальной безопасности, являясь неотъемлемым элементом осуществления государственной политики.

Для эффективного достижения поставленной цели, по обеспечению продовольственной безопасности, государство обязано гарантировать поставки сырья перерабатывающим предприятиям, а гражданам получение качественной и экологически чистой продукции в срок и по приемлемым ценам, не зависимо от внутренних и внешних

факторов. В связи с этим данное направление должно быть максимально качественно урегулировано на нормативном правовом уровне, чтобы в правоприменительном процессе не возникало проблем и были соблюдены интересы всех заинтересованных сторон: граждан, бизнеса и государства.

Обратимся к международному опыту такого регулирования. В настоящее время многие государства имеют достаточно объемную и систематизированную нормативную базу, касающуюся регулирования вопросов обеспечения продовольственной безопасности отдельно взятого государства.

Так, в ФРГ с 1955 года действует закон «О сельском хозяйстве Германии». Данный нормативный правовой акт определяет следующие обязанности федерального центра:

- оценивать снабжение населения продовольствием в качестве важнейшей стратегической задачи;
- формировать фонды продовольствия, постоянно поддерживать их в должном состоянии, актуальном на соответствующий промежуток времени;
- формировать стратегические запасы не только самого продовольствия, но и иметь в арсенале различные государственные меры экономического стимулирования в том случае, если продовольствие и производство придет в упадок;
- обеспечить полностью самостоятельное продовольственное обеспечение на территории Германии, которое не зависело от каких-либо других государств или иных публично-политических образований [1, с.32].

Во Франции действует Закон «Об обеспечении стабильности сельскохозяйственного производства». Указанный нормативный правовой акт возлагает на Министерство сельского хозяйства обязанность формулировать стратегию продовольственной безопасности и ее реализацию [2, с.78].

Кроме того, французское правительство принимает различные меры по поддержанию конкурентоспособности отечественного сельского хозяйства, а также активным образом влияет на рынок соответствующей продукции. Закон «Об обеспечении стабильности сельскохозяйственного производства» возлагает обязанности на соответствующие компетентные органы государства осуществлять контроль за импортом продовольствия, чтобы исключить всякую возможность нанесения ущерба внутреннему сельхозпроизводству. Это обеспечивается соответствующим контролем цен на импортные

товары, которые не должны быть ниже цен внутреннего рынка, а также мировых.

В США продовольственный комплекс считается одним из самых протекционистски защищенных. Данное положение было обеспечено качественным законодательством. При этом продовольственный комплекс в США регламентируется тем же комплексом нормативных правовых актов, что и иные природные ресурсы. Это свидетельствует о том, что на территории данного государства стратегически подошли к обеспечению безопасности государства в целом, разделив данную сферу деятельности государство только на самые крупные блоки. В итоге плотное нормативное соприкосновение различных сфер экономики позволяет функционировать в плотном контакте и тесно взаимодействовать предпринимателям между собой.

Закон «О продовольственной безопасности США» от 1979 г. направлен на поддержание необходимо высокого уровня сельского хозяйства, которое, в свою очередь, создает материальную базу для реализации права различных субъектов данного государства на пропитание и жизнь. В частности, указанный нормативный правовой акт регулирует организацию закупки зерна в специально созданный государственный резерв для сохранения продовольственной безопасности США и предоставления продовольственной помощи другим заинтересованным в этом государствам. Также на территории рассматриваемой страны действует Закон «Об улучшении продовольственной безопасности» от 1986 г., регламентирующий оказание поддержки сельскохозяйственных производителей, среди которых, например, направление субсидий из государственных бюджетов на поддержание плодородия земель. [3, с.106]

Как и в других государствах, включая Россию, принятие и применение указанных выше нормативных актов сопровождалось специальными федеральными программами.

В советский период на территории современной России нормативное закрепление обеспечения продовольственной безопасности имело определенную специфику, свойственную всей системе государственного управления того периода времени. Экономика советского государства, тесно была связана с государственным и партийным аппаратами. Именно с этих позиций осуществлялось командно-плановое управление, по сути, всей жизнью в стране. Такая административная система не требовала детального нормативного правового закрепления, т.к. большинство вопросов решалось должностными лицами на местах, а также различными директивами, «спускаемыми сверху». Народное хозяйство в целом выступало в

качестве единого юридического лица, управляемым указанными выше должностными лицами и партийными органами.

В условиях сращенных в юридическом аспекте государственного и партийного аппарата с производственно-хозяйственным сектором экономики, основная масса нормативной базы, включая нормы об обеспечении продовольственной безопасности, имела форму совместных постановлений и решений Центрального комитета коммунистической партии и правительства, приказов и распоряжений Совета министров, народнохозяйственных планов различных уровней, а также иных ведомственных инструкций, внутренних документов и директив.

Современные экономические и, прежде всего, политические условия, в которых оказалась Россия, показали очевидную необходимость учета различных последствий преобразований, которые подчас происходят в экстренном порядке, с учетом тех функций и полномочий, которые возложены на компетентные органы законодательной и исполнительной власти. Исходя из указанной диспозиции, на территории России в настоящее время действует ряд нормативных правовых актов, а также актов ненормативного характера, цель которых – обеспечение, в том числе, продовольственной безопасности.

Серьезным заделом для формирования нормативной правовой базы обеспечения продовольственной безопасности в России явилась разработка Концепции аграрной политики и продовольственного обеспечения Российской Федерации. Данный документ разработан совместно Министерством сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации и Академией сельскохозяйственных наук России в 1995 году [4, с.33-44].

Указанный акт содержал правовую и организационную платформу для комплексного решения проблем обеспечения населения России продовольствием, основываясь на уровне производства, переработки, хранения и реализации сельхозсырья и продуктов питания. Также данный документ учитывал необходимость создания гарантированных продовольственных запасов и ресурсов для их воспроизводства.

В дальнейшем при создании законодательной базы экономическая доктрина исходила из того, что продовольственная безопасность - это «создание необходимых резервов продуктов питания и сельскохозяйственного сырья, повышение уровня продовольственного обеспечения, покупательного спроса всех слоев населения страны, улучшение качества продуктов питания и

сельскохозяйственного сырья, обеспечение их конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках» [5, с.104].

В настоящее время в Российской Федерации нормативную правовую базу обеспечения продовольственной безопасности представляет Конституция Российской Федерации, федеральные законы и соответствующие подзаконные нормативные акты.

Среди федерального законодательства в рассматриваемой сфере следует выделить Федеральный закон от 2 декабря 1994 года № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» [6]. Данный закон определяет цели закупки и поставки сельскохозяйственного сырья для государственных нужд.

Следующим важным документом в рассматриваемой сфере является Федеральный закон от 13 декабря 1994 г. № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» [7]. Данный закон устанавливает самые общие принципы организации осуществления экономических функций, а также процедуру формирования, размещения и исполнения заказов на закупку и поставку товаров, работ, услуг для федеральных государственных нужд на контрактной (договорной) основе различными российскими организациями вне зависимости от их форм собственности и иных обстоятельств.

Важное значение в нормативном регулировании обеспечения продовольственной безопасности имеет Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [8]. Данный закон регламентирует функции федерального центра и регионов в части обеспечения безопасности и качества продовольствия. Вместе с тем, устанавливая административную, уголовную и гражданско-правовую ответственность тех лиц, которые нарушают его нормы и открыто травят население.

Основополагающим и стратегическом нормативным актом в сфере обеспечения продовольственной безопасности является утвержденная Президентом Российской Федерации Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [10] (далее – Доктрина продовольственной безопасности). Доктрина – не самый распространенный в России вид документа и «представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи и основные направления государственной экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации».

Данная Доктрина была принята в 2010 году, однако события, которые произошли в 2014 году, связанные с принятием

экономических санкций стран Западной Европы и Америки в отношении Российской Федерации, привели к существенному изменению внешних условий, а следовательно и к принятию новых нормативных актов, которыми стали Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 [11] и Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 [12], которые устанавливают качественно новые ориентиры обеспечения продовольственной безопасности.

Базовой стратегической целью продовольственной безопасности Доктрина продовольственной безопасности определяет для себя обеспечение населения государства качественной и не угрожающей здоровью граждан продукцией, включая рыбную продукцию и иное продовольствие. Достичь указанной цели представляется возможным путем гарантирования внутреннего производства и наличием требуемого уровня запасов продовольствия и резервов для его воспроизводства.

Перечисленные угрозы и риски постоянно преследуют российскую экономику, поэтому Доктрина продовольственной безопасности предусматривает ряд конкретных государственных мер, которые следует принимать в случаях, когда отечественная экономика в той или иной сфере находится в опасности.

Однако Доктрина продовольственной безопасности имеет исполнительно-распорядительный, а не нормативный характер, хотя изложенные в ней положения, в полной мере соответствуют концепции полноценного федерального закона: формирует полноценную картину осуществления данного вида деятельности, дает общие понятия, определяет полномочия органов публичной власти и определяет основные направления проведения государственной политики и т.д.

На территории России действует множество других документов, регламентирующих процессы обеспечения продовольственной безопасности, однако они всецело не посвящены только данному вопросу, а касаются лишь отдельных его аспектов.

В связи с этим в Российской Федерации давно назрела необходимость принятия специального федерального закона «О продовольственной безопасности в Российской Федерации». Необходимость этого подчеркивается накопленным зарубежным опытом и международными обязательствами России в рассматриваемой сфере,

т.к. обеспечение продовольственной безопасности является необходимым условием реализации основных прав и свобод человека, включая право на жизнь. Достижение указанной цели может быть осуществлено путем закрепления соответствующих норм именно на уровне внутригосударственного законодательства.

В заключении хочется отметить, что принятие соответствующего федерального закона, упорядочит всю сферу общественных отношений в рассматриваемой области и сделает граждан нашего государства более защищенными от различных угроз в сфере обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Бурдуков П.Т., Саетгалиев Р.З. Россия в системе глобальной продовольственной безопасности. М. 1999.
2. Файзулин Г.Г. Правовые вопросы государственного управления сельским хозяйством в России. М. Право и государство, 2004. С. 78.
3. Балабанов В.С., Борисенко Е.Н. Продовольственная безопасность (международные и внутренние аспекты) // М. «Экономика». 2002. С. 106.
4. Назарчук А. - АПК на современном этапе экономической реформы: О концепции аграрной политики и продовольственного обеспечения Российской Федерации // Экономист. 1995 г. № 5 С. 34-44.
5. Безопасность России. Разд. I «Продовольственная безопасность». М.: МТФ «Знание», 2000. С. 104.
6. О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд: федеральный закон от 2 декабря 1994 года № 53-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3303.
7. О поставках продукции для федеральных государственных нужд: федеральный закон от 13 декабря 1994 года № 60-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 34. Ст. 3540.
8. О качестве и безопасности пищевых продуктов: федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150.
9. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 // СЗ РФ. 2010. № 5. Ст. 502.
10. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
11. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. // СЗ РФ. 2017. № 20. ст. 2902.

СЕКЦИЯ 4.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЭТАПЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВОЙСК ПО ОХРАНЕ ОСОБО ВАЖНЫХ ОБЪЕКТОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ГРУЗОВ

Пазий Юрий Васильевич

*доцент Новосибирского военного института имени генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
РФ, г. Новосибирск*

Необходимость создания специальных частей было связано с выполнением ответственных задач по охране объектов Первого Главного управления при Совете Министров СССР, Министерства среднего машиностроения и Министерства авиационной промышленности.

Первым шагом в их создании стало Постановление Совета министров СССР от 2 апреля 1946 года, которым на внутренние войска возлагалась задача по охране важнейших объектов Академии наук СССР. приказом МВД СССР от 27 апреля 1946 года было сформировано 5 комендатур для охраны объектов особой секретности и специальное отделение в составе Управления войск МВД по охране особо важных объектов промышленности, осуществлявшего руководство всеми частями. Первой стала спецкомендатура по охране лаборатории измерительных приборов № 2 Академии наук СССР, ныне — Российский научный центр «Курчатовский институт». К марту 1947 года количество спецкомендатур достигло семнадцати, на их основе началось формирование отдельных батальонов и полков. Специальное отделение преобразуется в Специальный отдел с увеличением объема служебных задач формируются новые специальные части и соединения, а специальное отделение преобразуется в Управление спецчастей внутренних войск МВД СССР.

Приказом МВД СССР от 7 декабря 1946 г. войска по охране особо важных предприятий промышленности и войска по охране

железных дорог, были объединены, а для руководства ими создано Управление войск охране особо важных объектов промышленности и железных дорог. В таком составе войска МВД СССР находились до 21 января 1947 г. когда постановлением Совета Министров СССР они были переданы в МГБ СССР. Конвойные войска и войска по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог остались в подчинении МВД СССР. Но 9 апреля 1948 г. из состава войск по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог в МГБ СССР передаются спецчасти и органы их управления. В подчинении этого Министерства они находились до марта 1953 г, а затем вновь вошли в состав МВД СССР.

Войска участвовали в ликвидации последствий аварий на комбинате «Маяк» в 1957 году, на Чернобыльской АЭС в 1986 году.

В период сложной социально-экономической и политической нестабильности, возрастания преступности в стране, специальные части применялись исключительно для решения служебно-боевых задач по предназначению, то есть охрана важных государственных объектов и специальных грузов.

Служебно-боевые задачи специальных частей были определены Уставом боевой службы в обобщенном виде, где, естественно, не была учтена возможность возникновения чрезвычайных обстоятельств рядом с особо важными объектами. А исходя из этого, опыт тех лет показывал, что перечень задач нуждался в дополнении. В частности, к числу задач, возлагаемых на специальные части, были дополнительно отнесены такие, как прием под временную охрану (на период чрезвычайных обстоятельств) важных объектов базовых отраслей промышленности, энергетики и транспорта, а также объектов, производящих, либо использующих в производстве сильно действующих ядовитых веществ; государственного имущества при эвакуации (переселении) граждан на сборных пунктах, маршрутах движения и в районах размещения, поддержания режима особого положения и комендантского часа в районах (местностях), где они введены.

Внутренние войска оказывали содействие органам внутренних дел в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Наряду с этими задачи они охраняли государственные объекты, специальные грузы [1, с. 6]. Применение военной силы для охраны и обороны важных государственных объектов и специальных грузов обусловлено необходимостью обеспечения безопасности государства, граждан и окружающей природной среды. С изменением форм собственности и проведением конверсии ряда предприятий,

организаций, производств изменился и вид охраны. Однако, подавляющее большинство объектов ядерно-оружейного, ядерно-энергетического, оборонного комплексов, ведущих работы по государственным оборонным программам, производящих и хранящих государственные ценности, стрелковое оружие, боеприпасы, взрывчатые и радиоактивные вещества, было обеспечено гарантиями государства.

Рост угрозы техногенного терроризма, то есть применения или угрозы применения экстремистами ядерного, химического, биологического оружия, радиоактивных, высокотоксичных веществ или биологических средств, а также попытки захвата или выведения из строя различного рода промышленных и других объектов, имеющих важное значение для экономики или представляющих повышенную опасность для жизни людей и окружающей природной среды, угроза бесконтрольного распространения оружия, взрывчатых веществ поставило вопрос об увеличении численности воинских частей по охране важных государственных объектов и предъявило новые требования к ним. Претерпели существенные изменения соединения и воинские части по охране сооружений на железных дорогах. Охранять и оборонять некоторые объекты на железных дорогах (Забайкальской, БАМ и Дальневосточной) от действий диверсионно-разведывательных формирований вероятного противника в мирное время подразделениями воинских частей по охране сооружений на железных дорогах стало нецелесообразно, поскольку все остальные аналогичные объекты на них не охраняются внутренними войсками. Решен вопрос о передаче из внутренних войск задач охраны сооружений на железных дорогах в Министерство путей сообщения Российской Федерации.

Сегодня соединения и воинские части по охране мест проведения специальных работ, важных государственных объектов и специальных грузов выполняют служебно-боевые задачи и обеспечивают надежную охрану более 100 важных государственных объектов. Под охраной войск находятся объекты ядерного оружейного комплекса, атомные электростанции, места базирования атомного ледокольного флота, научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, особо режимные объекты, объекты оборонной промышленности, производства и хранения боеприпасов, взрывчатых веществ, государственных ценностей, базы хранения ресурсов МВД России, 7 закрытых административных территориальных образований. Всего под охраной войск национальной гвардии находятся около 100 важных государственных объектов.

В июле 2016 года законодатель предусмотрел ответственность за нарушение требований к оборудованию инженерно-техническими средствами охраны важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях, подлежащих охране войсками национальной гвардии РФ, руководителями указанных объектов, руководителями и должностными лицами организаций, важные государственные объекты и специальные грузы, сооружения на коммуникациях которых подлежат охране войсками национальной гвардии РФ [2].

Список литературы:

1. Асеев А.Г., Пазий Ю.В. Деятельность внутренних войск МВД СССР во второй половине 80-х годов // На страже закона и правопорядка: сб. науч. ст. межвуз. науч.-практич. конф. – Новосибирск: НВИ ВВ имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России. – 2016. – С. 5-10.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»: Федеральный закон от 3 июля 2016 № 227-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 27 (Часть I). – Ст. 4160.

ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГВАРДИИ КАК ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА

Попов Павел Иванович

*курсант Новосибирского военного института имени генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
РФ, г. Новосибирск*

Первые подразделения «лейб-гвардии» стали создаваться в 90-х годах XVII века. Гвардия – это отборная привилегированная часть войск, на которую в первую очередь возлагались наиболее сложные задачи в ходе проведения военных действий [2, с. 21]. В 1687 году Петр I создал два элитных подразделения – Преображенский и Семеновский полки. С первого дня существования в России гвардейскими подразделениями были отборные, привилегированные подразделения вооруженных сил Российской империи. Подобные подразделения в силу своего привилегированного положения и близости к царю,

императору играли решающую роль в различных придворных интригах и в целом в дворцовых переворотах [1, с. 61]. Один из старейших и наиболее известных гвардейских полков, созданных Петром Великим, является лейб-гвардии Преображенский полк. Полк сформирован царем Петром I в 1691 году из «потешных» села Преображенского, от которого и получил свое наименование. Он участвовал во всех основных сражениях Северной войны, в Прутском и Персидском походах. Кроме этого полк участвовал в битве под Нарвой, Лесной [2, с. 21]. После смерти Петра I Преображенский полк принял активное участие в возведении на престол Екатерины I и во всех последующих дворцовых переворотах. Понимая исключительное положение полка, шефство над полком принимали все российские императоры [1, с. 61]. Подразделения полка участвовали в русско-турецкой войне 1735–1739 годов, русско-шведской войне 1741–1743 годов, русско-шведской войне 1788–1790 годов. В 1805–1807 годах полк участвовал в войнах с наполеоновской Францией, а затем в русско-шведской войне 1808–1809 годов. В 1812–1814 годах полк участвовал в Отечественной войне, русско-турецкой войне 1828–1829 годов, в подавлении польского восстания 1830 года и польского восстания 1863 года, в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Во время Первой мировой войны полк участвовал в Галицийской битве, Варшавско-Ивангородской операции, Мазурском сражении, Виленской операции, Брусиловском прорыве, в боях под Тарнополем во время германского контрнаступления в июле 1917 года [2, с. 21]. В 1700 году был создан лейб-гвардии Семеновский полк в целях участия в различных придворных интригах, в дворцовых переворотах, для подавления вооруженных мятежей и в крупных сражениях. Этот полк принимал участие в Кожуховских маневрах, Азовских походах, в боях Северной войны, в битвах под Нарвой и при Лесной, в сражениях под Фридрихсборгом, под Бородино, в Полтавской битве, участвовал в штурме крепости Нотебург, а в 1812 году в Отечественной войне. В 1905 году Семеновский полк принимал участие в подавлении декабрьского восстания в Москве [1, с. 61]. Позже были созданы Измайловский, Конный, Кавалергардский полки. Лейб-гвардии Измайловский полк по старшинству являлся третьим пехотным полком Императорской Гвардии и обязан своим основанием Императрице Анне Иоанновне, который был сформирован в Москве 22 сентября 1730 года и должен был состоять по образцу лейб-гвардии Семеновского полка из гренадерской роты и двенадцати фузилерных рот [2, с. 22], который впоследствии был переформирован в Конную Гвардию. 19 декабря 1917 года был расформирован первый дивизион Конной Гвардии, а

второй дивизион самораспустился [1, с. 62]. Во второй половине восьмидесятых годов активной реформе подверглись внутренние войска, они были выведены из состава Вооруженных Сил СССР и включены в состав правоохранительной системы государства [3, с. 8]. В начале девяностых годов, когда внутренняя обстановка в стране желала оставаться лучше, первые лица государства стали задумываться над вопросом: как спасти государство от развала. Особую актуальность приобрел вопрос обеспечения безопасности личности, общества и государства [2, с. 23]. В 90-х годах обстановка в нашем государстве была накалена до предела. Проходили демонстрации, митинги, шествия, пикетирования. Так на митинге у Белого дома 20 августа 1991 г. присутствующие стихийно стали записываться в формирования под названием Российская гвардия [1, с. 62]. В целях урегулирования протестного настроения митингующих, Президент РСФСР Борис Ельцин поручил вице-президенту Александру Руцкому приступить к формированию подразделения Российской гвардии для усиления защиты конституционного строя и демократических завоеваний, создания дополнительных гарантий законности и правопорядка на территории страны. Одной из проблем создания таких подразделения явилось то, что на тот момент полностью отсутствовала законодательная база для создания, формирования подобных формирований [2, с. 23]. В соответствии с распоряжениями мэра г. Москвы от 24 августа № 129-РМ была создана комиссия по формированию Московской бригады национальной гвардии РСФСРФ, однако 27 сентября было издано распоряжение № 181-РМ, которым приостановил формирование Национальной гвардии г. Москвы. Комиссия пришла к выводу, что Российская гвардия должна быть непосредственно подчинена высшему должностному лицу и главе исполнительной власти - президенту РСФСР. Не подменяя Вооруженных Сил СССР, правоохранительных органов РСФСР и СССР, ее деятельность должна опираться на широкую поддержку демократических сил, общественных организаций, трудовых коллективов и граждан. Середина 80-х годов характеризовалась дезинтеграционными процессами, связанными с возрастанием национальных выступлений в различных регионах СССР, последними годами существования союзного государства и изменением административно- правового статуса внутренних войск [3, с. 5]. А содержать две силовые структуры не позволял федеральный бюджет. Гвардия, как считалось тогда, должна была содержаться за счет части средств, выделяемых из республиканского бюджета на оборонные нужды и содержание внутренних войск [1, с. 63].

В новейшей истории нельзя не отметить то, что Президент РФ придал совершенно иной статус национальной гвардии. Он подписал указ, в котором определил, какие подразделения и из каких силовых структур будут входить в Росгвардию. На основе этого нормативного правового акта, внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации преобразованы в войска национальной гвардии Российской Федерации [2, с. 25]. Установлено, что войска национальной гвардии в своей деятельности должны соблюдать принципы международного права [4, с. 110].

Список литературы:

1. Асеев А.Г., Буряков В.Н., Шевченко И.В. Национальная гвардия России: вчера, сегодня, завтра // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции: в 3 т. / коллектив авторов. – Т. 3: под ред. М.Г. Потапова, К.В. Шумской. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – С. 20-26.
2. Асеев А.Г., Буряков В.Н., Шевченко И.В. Национальная гвардия России: историко-правовой аспект // Направления и перспективы развития образования в военных института войска национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции с международным участием: в 2-х ч. / Под общ. ред. С.А. Куценко. – Ч. 1. – Новосибирск: НВИ имени генерала армии И.К. Яковлева войска национальной гвардии Российской Федерации, 2017. – С. 60-65.
3. Асеев А.Г., Пазий Ю.В. Деятельность внутренних войска МВД СССР во второй половине 80-х годов // На страже закона и правопорядка: сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. – Новосибирск: НВИ ВВ имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, 2016. – С. 5-10.
4. Асеев А.Г. Соблюдение принципов международного права – залог стабильности // Актуальные проблемы юридической науки: материалы междунар. науч. конференции (Новосибирск, 10–12 марта 2015 г.) / Авт. коллектив. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. – С. 103–111.

СЕКЦИЯ 5.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ И ПРОБЕЛОВ В ПРАВЕ, А ТАКЖЕ ИНЫХ ФОРМ ВЫРАЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАВЕ

Белоусова Ксения Александровна

*директор ООО «ИСК «Алгоритм»,
соискатель ученой степени кандидата наук
ФГБОУ ВО «Алтайский Государственный Университет»,
РФ, г. Барнаул*

Вопрос неопределенности в праве до настоящего момента не подвергался монументальному изучению в правовой науке. В тоже время отдельные стороны данного явления освящались дореволюционными авторами, правоведами советского периода и современными исследователями. Противопоставляя «определенности», как одному из основных свойств права, представляющему собой точное, полное и последовательное закрепление и реализацию в праве нормативной правовой воли, понятие «неопределенности» исследователи трактуют как некое несовершенство права, дефект воли законодателя, выражающийся в неточном, неполном и непоследовательном закреплении содержания норм права и их реализации, которое может быть обусловленное как объективными так и субъективными факторами правотворчества.

Вопрос отграничения оценочных категорий от иных явлений правовой действительности обладающих признаками неопределенности, и являющихся близкими, но не тождественными, в большей степени посвящен исследованию сущность самих оценочных категорий и их месту в правовой системе.

Одним из наиболее ярких примеров неопределенности в праве принято считать пробелы, что в известной степени сближает их с оценочными категориями. Очевидной причиной существования данного правового явления является невозможность (как объективного, так и субъективного порядка) предвидеть изменение

общественных отношений, регулируемых принимаемым нормативным правовым актом.

Пробелом следует признавать отсутствие необходимого правового регулирования общественных отношений в ситуациях, когда оно должно быть, поскольку сами отношения подпадают под сферу предмета правового регулирования. Е. В. Васьковский указывал несколько ситуаций, в которых возникает пробел в праве: 1) для отношений отсутствует правовая норма; 2) правовая норма существует, но совершенно «темная и непонятная»; 3) существует несколько правовых норм, находящихся между собой в противоречии; 4) установлена правовая норма, страдающая неполнотой [1, с. 318]. То есть, пробел существует там, где отсутствует прямой ответ на вопрос правоприменителя, и ответ не может быть получен с помощью применения различных способов толкования.

При создании нормы с оценочной категорией возможные варианты отношений также не покрываются однажды выбранным законодателем стандартом. Восполнение пробелов, как и использование оценочных категорий, содержит творческий элемент, который выражается в необходимости отыскания правила поведения, подлежащего применению к отношениям сторон. В этом смысле нормы с оценочными категориями практически сближаются с пробелом.

Отдельными учеными высказывалось мнение о существовании преднамеренных пробелов в праве, то есть ситуациях, когда недостаточно определенные нормы создаются законодателем целенаправленно, в целях их последующего уточнения путем судебного усмотрения.

Вместе с тем, с данной точкой зрения сложно согласиться. Необходимо различать пробелы в праве от ситуаций, когда законодатель дает правоприменителя полномочия на решение дела по собственному усмотрению. При использовании оценочных категорий, законодатель желает подвергнуть воздействию определенную группу общественных отношений, однако в силу разнообразия подходящих случаев не может дать им точное описание. В такой ситуации соответствующие общественные отношения в принципе находятся в сфере правового регулирования. Правовая норма имеется, определены ее границы, задача правоприменителя заключается в самостоятельном преломлении такой нормы к конкретным жизненным обстоятельствам. Это не пробел права, а сознательное предоставление правоприменителю возможности действовать инициативно, с учетом конкретных условий, места и времени. Таким образом, восполнение пробелов, в

отличие от применения норм с оценочными категориями не учитывает специфику конкретных правоотношений.

Отметим, что восполнение пробела и применение оценочных категорий снимает неопределенность применительно к разрешаемой ситуации. Однако процесс применения оценочных категорий существенно отличается от способов толкования и восполнения пробелов. Принято выделять два основных приема преодоления пробела: аналогию закона и аналогию права.

Возможность применения аналогии права, в целях преодоления неопределенности характерна для частных и процессуальных отраслей права. Например, она прямо предусмотрена ст. 6 ГК РФ, где говорится, что при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости. Аналогичные положения содержатся, например, в ст. 1 Гражданского-процессуального кодекса РФ; ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса РФ; ст. 7 Жилищного кодекса РФ; ст. 5 Семейного кодекса РФ. В свою очередь применение уголовного закона по аналогии не допускается (ст. 3 УК РФ), что определяется его особым правовым статусом.

Норма с оценочными категориями отличается от пробела в праве, в первую очередь тем, что она указывает направление правоприменителю, по которому он может и должен выходить за пределы словесного смысла ее содержания.

Еще одним различием между пробелами и оценочными категориями является круг субъектов, которые могут преодолевать обусловленную неопределенность: устранение пробелов в праве является исключительной прерогативой суда, рассматривающего конкретное дело. Применение же норм с оценочными категориями может осуществляться как судом, так и непосредственно самими субъектами общественных отношений.

Рассматривая место оценочных категорий в механизме правового регулирования, обратим внимание на такое явление, как нормативные обобщения. Объединяя общие черты и признаки определенной группы явлений, нормативные обобщения обладают широким понятийным содержанием, которое выражается в обобщённой абстрактно-оценочной форме. При этом нормативные обобщения могут быть как с постоянным содержанием, так и содержать оценочные характеристики. Данные обобщающие положения прямо формулируются в диспозитивных и в управомочивающих нормах с расчетом на их последующую

конкретизацию, например, в договоре или судом («источник повышенной опасности», «непреодолимая сила») [2, с. 125]. В этом смысле они выступают в качестве средства ценностной характеристики различных элементов механизма правового регулирования, а судебной практикой вырабатываются их конкретизирующие положения.

Еще одним правовым понятием, рассмотрение которого необходимо для уяснения места оценочных категорий, являются общие оговорки, позволяющие суду на основании закона участвовать в юридическом регулировании. Под общими оговорками принято понимать пояснения закона, которые дают возможность суду решать отдельные вопросы опираясь лишь на предусмотренные общие категории. Например, согласно ст. 169 ГК РФ сделка, совершенная с целью, заведомо противоправной основам правопорядка или нравственности, ничтожна. Рассматривая конкретное дело, на основании представлений об основах правопорядка и нравственности существующих в обществе на момент рассмотрения дела (поскольку они могут отличаться от представлений, существовавших на момент принятия нормы), судья должен определить соответствуют ли действия сторон требованиям закона о дозволенном поведении.

Таким образом, правовые нормы, содержащие оценочные категории, нормативные обобщения и общие оговорки, по сути своей направлены на упрощение и уменьшение нормативного правового массива. Нам представляется верным, рассмотрение нормативных обобщений и общих оговорок как прием юридической техники, использующийся для введения в законодательство оценочных категорий, но отражающих определенное «разделение труда» между нормами права.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что правовые нормы с оценочными категориями обладают рядом объективно присущих исключительно им свойств (качеств), и занимают особое место в механизме правового регулирования. Дополнительно отметим, позитивный эффект от применения законодателем оценочных категорий в текстах нормативно-правовых документов, что в свою очередь указывает на невозможность оценки неопределенности в праве исключительно как негативного явления.

Список литературы:

1. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М., 2002. – С. 508.
2. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. – М.: Статут, 2000.

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА И ИСТОЧНИК ПРАВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Дружков Никита Алексеевич

*студент юридического факультета СПбГУ,
РФ, г. Санкт-Петербург*

Тема взаимосвязи понятий «источник права» и «правовая доктрина» привлекала внимание исследователей давно и сегодня является очень актуальной ввиду своего высокого влияния на механизм регулирования общественных отношений и скудную разработанность. Отсутствие внимания к доктринальным положениям возникло в большей степени из-за существования в советской науке мнения, что доктрина выполняет единственно функцию обоснования позитивного права.

Цель данной работы - выявить назначение правовых доктрин по отношению к различным элементам правовой системы, рассмотреть влияние правовой доктрины на правовую систему и определить роль правовой доктрины в отечественной правовой традиции.

Первоначально необходимо определиться с содержанием понятий. Понятие «источник права» мы рассмотрим с точки зрения формально-юридического подхода, т.е. как «форму внешнего выражения содержания правовой нормы, при помощи которой правовая норма получает общеобязательное значение» [7, с.283].

Большинство ученых негативно оценивает использование доктринальных положений в качестве юридического инструментария, хотя до начала кодификационного процесса в Европе наравне с правовой доктриной мог конкурировать лишь правовой обычай. Неоднозначна и позиция относительно использования доктрины наравне с прецедентным правом в качестве источника судебной практики. Главенствующая позиция на сегодня об использовании доктринальных положений в качестве источника права утверждает, что это свидетельство несовершенства действующего законодательства, и вынужденное компенсаторное регулирование. Это представляется разумным, но во многих положениях действующего российского законодательства, даже в отношении подробно урегулированных положений, нередко закреплена фактическая широкая дискреция суда.

Большой проблемой является тот факт, что зачастую «правовая доктрина включает в себя не только научно доказанные и достоверные знания о праве, но и вероятностные суждения, не обладающие

свойствами истинности и обоснованности»[11]. Однако, избегание учета необоснованных доктринальных положений - это опять вопрос квалифицированности судьи, и его соответствия профессиональным требованиям. Если мы приводим такой аргумент, утверждая, что судья не может определить, какие доктринальные положения не носят научного характера, о каком разумном системном анализе и толковании общеправовых принципов может идти речь?

Таким образом, используя доктрину, сами судьи смогли бы, в какой-то степени, обезопасить себя и подвести аргументацию под свое решение. Как сказано выше, для правоприменительной практики это не будет ударом, и лишь прибавит обоснованности и основательности решений, а для научной сферы будет большим толчком, так как теоретические положения смогут получить наглядную иллюстрацию, тем самым стимулируя развитие изучения правовых механизмов, что способствует дальнейшему реформированию законодательства и единообразию правоприменения, а также закреплению уже существующих правовых норм. Эти нормы имеют двойственный характер ввиду того, что «доктринальные положения получают внешнее оформление за счет других правовых явлений (*в первую очередь – судебной практики–Н.Д.*)»[5, с.70]. Также большинство авторов настаивает на том, что «нормальное функционирование общества невозможно без утверждения в практической деятельности людей научно обоснованных правовых начал управления социальными процессами»[8, с.7]. На мой взгляд, все это вытекает не только из вопроса рациональности, но и из всей отечественной правовой традиции.

В России исторически сложилось, что правовая доктрина взаимосвязана с политическим курсом государства. Многие ученые связывают эту взаимосвязь с патернализмом, свойственным русскому обществу как сегодня, так и 1000 лет назад. Таким образом, наибольшее значение в отечественных реалиях имеет государственная или политическая доктрина, представляющая собой «совокупность официальных взглядов по важнейшим проблемам государственной деятельности» [8, с.11].

Вопрос об использовании доктрины в качестве источника права для нашей государственности берет истоки ещё со времен крещения Руси и произрастает из канонического права, которое по своей специфике требует толкования ввиду сложности и неоднозначности. Для данного этапа исторического развития основным источником права, конечно же, являлся правовой обычай, но с приходом христианства получают развития учения, содержащие общие

представления, в том числе и о способах правового регулирования. Эти положения не являлись прямым заимствованием из иного правопорядка представлений о нормах должного, или абсолютным результатом дисперсии Священных писаний. Киевская Русь как пример аграрного общества имела свою специфику. Во-первых, не было достаточного количества текстов, во-вторых, подавляющая часть населения не была образована. Также национальные представления о справедливости, и как следствие о праве имеют свои самобытные черты, обоснованные не только языческим прошлым, но и национальным менталитетом и особенностью мировосприятия. Возможно, что в данном вопросе мы вступаем в длительную дискуссию о типе правопонимания на стороне исторической школы права, но независимо от типа правопонимания нельзя отрицать тот факт, что культурная основа общества всегда является значимой для любой правовой системы. Так же стоит заметить, что заимствованные источники подверглись существенной переработке и зачастую новому толкованию. Одновременно перед обществом становится проблема разработки общих принципов и идей в условиях абсолютно несформированной нормативно-правовой базы, и эту функцию стали выполнять доктринально-религиозные положения. Наибольший расцвет данный процесс получил в XIV веке, когда «русское государство становится по своей природе теократическим, высшим идеалом которого становится следование божественным заветам православия»[9,с.363].

Подводя краткий обзор доимперского периода, можно сделать вывод, что находясь в сравнительной изолированности от европейской правовой культуры, наше общество не воспринимало идею свободы человека и прав личности в качестве наивысшей. Юридическая наука как таковая не существовала, а создание общих идей было практически полностью отдано на откуп церковным кругам и базировалось на толковании канонического права. Из-за этого говорить о юридико-правовой доктрине возможно лишь с середины XVIII в., так как до этого её не существовало. В дальнейшем наблюдается огромное влияние религиозных положений на нашу национальную правовую систему.

Со второй половины XVIII в. появляются первые научные работы в области юриспруденции. До этого происходило движение в сторону накопления юридических источников, и необходимость в доктринальных положениях стала возникать лишь в момент попыток систематизировать противоречивый нормативно-правовой материал, появившийся в результате активной законодательной деятельности

XVIII века. Далее огромной проблемой ввиду сложности текстуальной формы источников стала потребность в их толковании, что всегда сопряжено с вопросом правосознания. Идеи Просвещения также влияли на доктринальные положения, так как вектор развития русского государства был направлен на дословное заимствование западноевропейских моделей и правовых институтов, и в юридической науке основной задачей являлось слепое копирование существующих позиций без учета того, что все национальное правосознание «покоилось на православных и внеразумных принципах человеческого бытия» [9, с.357].

В XIX веке наблюдается значительный перелом в развитии доктринальных положений. Научная основа стала необходимым инструментом в кодификационном процессе, который встал перед Российской империей, проведении дальнейших реформ и издание Основных законов Российской империи 1906 г. Также огромное развитие получил институт адвокатуры. В XIX веке формируется русская правовая идея, подарившая миру огромную плеяду величайших исследователей в области юриспруденции, чьи труды в дальнейшем повлияют на развитие не только всей мировой правовой системы, но и истории человечества. Например, гениальный русский юрист конца XIX, начала XX века - Федор Мартенс стал автором проектов Гаагских конвенций, регламентирующих политико-правовую сферу и сегодня, при этом его работа основывалась на общеправовых принципах, разработанных именно в доктринальных положениях.

В XIX веке лидирующее положение заняла консервативная доктрина. Это произошло в результате падения интереса к естественно правовому подходу и разочарования от результатов революционного движения, вылившееся в усиление аппарата государственного контроля во всей Европе, в целях укрепления стабильности. Так большинство авторов, изучающих политико-правовую доктрину российского либерализма в XIX веке, говорят о том, что она никогда не представляла собой «единой теоретической или политической концепции» [1, с.14]. Именно поэтому консервативные доктринальные положения имели главенствующую роли и привели к тому, что «в историко-правовой науке возникновение охранительной концепции государства и права относят к последней трети XIX в.» [2, с.48].

Но уже в начале XX века в европейской правовой среде вновь началась защита естественно-правовой школы. Это связано с тем, что в 1906 г. известный философ С. Л. Франк опубликовал «Проект Декларации прав», где были сформулированы такие нормы-принципы как: «неприкосновенность человеческой личности, недопустимость

смертной казни, строгое ограничение вооруженных репрессий, право на отказ от военной службы по религиозным мотивам»[1,с.117]. Вопрос о природе правовой доктрины решался радикально так, «более столетия назад отождествлялись право юристов, наука и судебная практика [6,с.298]. Это нельзя назвать верным, но такое смешение качественно различных правовых форм свидетельствует о взаимосвязанности судебной практики и доктринальных положений.

В советский период происходит формальное уничтожение влияния правовой доктрины на общественные отношения ввиду строго этицистского подхода и полной идеологической монополии в вопросах толкования правовых норм, для чего использовалась исключительно марксистско-ленинская идеология, которая также имела официальное закрепление. Несмотря на частое смешение понятий «идеология» и «доктрина», их необходимо разграничивать. Так доктрина, как правило ввиду своего научного происхождения, «имеет доказательство своих тезисов, она рациональна. Идеология больше адресована сознанию, она тяготеет к религиозным способам воздействия на общество»[5, с.76].

Правовая доктрина, не носящая социалистической направленности, воспринималась сугубо как форма правосознания, выступая в качестве противопоставления «материальным условиям жизни общества, производства, распределения, обмена и потребления»[3,с.35], что являлось общественно вредным с точки зрения государственного курса. Однако правовая доктрина в советский период все-таки получила весомое развитие как научное явление ввиду необходимости обосновывать с научной позиции правовые явления, существовавшие в обществе, а вот «вопрос о системе форм советского права вообще представлялся неактуальным в противовес исключительно важной проблеме классификации нормативных правовых актов» [5,с.73]. Функционально доктринальные положения выполняли прикладную и идеологическую роль, сродни ситуации XVII века. Но идеологизация права ещё не значит закрепления доктрины в качестве общепринятого инструмента, научное изучение имело относительно автономный характер и влияло лишь на правотворчество, но не являлось ни формой права, ни источником судебной практики. При этом «скованность юридической науки идеологическими путями и мифологемами не позволяла ей осмыслить и оценить роль других источников права в деле обеспечения порядка, стабильности и справедливости общественной жизни»[3,с.49].

Доктринальные положения можно считать одним из уникальных инструментов в юридической науке. Сама её природа имеет ряд своих

специфических, ни на что не похожих черт. Признавать доктрину источником права в современных реалиях представляется очень проблемным, так как в эпоху кодификации и скованности рамками иных правовых текстов ей свойственно приобретать «ускользающий характер, стремясь раствориться в науке, судебной практике, религии, общих принципах и других формах и источниках права» [4, с.86].

Доктринальные положения зачастую носят на себе печать направления государственного и общественного развития, тем самым определяя понятия справедливости и вопрос о ценностях в данном конкретном обществе на данный момент. Конечно, это весомо влияет на правовую действительность - категорию, которая «характеризует собой реальное бытие правовой материи, наличную действительность всех правовых феноменов, существующих в пространстве и во времени, причем как материального, так и идеального порядка, ибо «мысль и материя» действительны, т.е. существуют»[10,с.40]. Из идей всего процесса развития правовых систем вытекает потребность в использовании судами доктрины по вопросам, не имеющим однозначного и заведомо правильного решения. В последние годы наблюдается единообразие в вопросах судебной практики, по которым высказались высшие суды, хотя например, Постановления Пленума Верховного Суда, являясь образцом применения нормы рекомендации, вместе с тем имеют значение по конкретным делам, но они не обладают признаками официального источника и формально суды ими никак не связаны. Однако сама потребность в таком источнике судебной практики приводит к тому, что все низшие суды фактически всегда становятся на сторону, высказанную либо Конституционным, либо Верховным судом, в действительности просто дублируя их позицию.

Таким образом, необходимо просто формально закрепить уже действующий механизм воздействия доктринальных положений на судебную практику. Можно сделать вывод об исключительной роли доктринальных положений, выступающих в качестве основания для законодательства и судебной практики.

Список литературы:

1. Акашкин И. А. Политико-правовая доктрина российского либерализма (вторая половина XIX – начало XX веков): монография. / И. А. Акашкин. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 195 с.
2. Васильев А. А. Консервативная правовая доктрина России: общетеоретические аспекты: монография / А. А. Васильев. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 336 с. – (Теория и история государства и права).

3. Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории: монография / А. А. Васильев. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 272 с. – (Теория и история государства и права).
4. Бошно, С. В. Формы российского права: монография / С. В. Бошно. – М. : Право и закон, 2004. – 320 с.
5. Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права / С. В. Бошно // Журнал Российского права. - 2003. - № 12. - С. 70 -79
6. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунова, 6-е изд. (Без измен.). – СПб. : Н.К. Мартынов, 1904. – 354 с.
7. Поляков А. В. Общая теория права : учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина.-2-е изд. - СПб. : Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2015. – 472 с.
8. Пряхина, Т. М. Конституционная доктрина Российской Федерации: науч. Издание/ Т. М. Пряхина; науч. ред. В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. – 323 с.
9. Сорокин В. В. История и методология юридической науки: учебник для вузов / проф. В. В. Сорокин. – Барнаул : Новый Формат, 2016. – 699 с.
10. Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права. Учебное пособие / В. И. Червонюк., И. В. Гойман-Калинский., Г. И. Иванец. - М.: КолосС, 2003. - 544 с.
11. URL:
https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3999:2013-03-11-10-56-38&catid=184:2010-12-13-11-50-40 (дата обращения: 20.03.2017).

СЕКЦИЯ 6.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ВНЕШНИЕ СРЕДСТВА ТОЛКОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА В США

Викторова Элеонора Юрьевна

*аспирант на кафедре уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики МГИМО МИД России,
РФ, г. Москва*

Толкование в США может осуществляться с использованием не только внутренних средств, присущих самому тексту закона, но также и внешних по отношению к тексту закона средств. Если текстуальные средства толкования задаются вопросом о выборе варианта толкования, который будет отвечать критерию наиболее распространенного использования термина «разумным» лицом, логичности и связности понятия с текстом закона, то внешние средства толкования будут рассматривать закон как целостный нормативный акт в свете внешне сопутствующих принятию закона обстоятельств. При использовании внешних средств толкования пробелы в законе восстанавливаются с опорой на *общее право, историю принятия законодательства и толкование, осуществленное правительственными агентствами.*

Здесь необходимо отметить, что источники толкования, как внутренние, так и внешние, следует четко обособлять от *целей* толкования. Иными словами, два субъекта толкования могут определенно договориться, что цель толкования – это поиск наилучшего результата (теория «наилучшего ответа»), но не сойтись во мнении, что именно нужно использовать для определения значения толкуемого термина статута – историю принятия законодательства или общее право. Принимая во внимание обозначенную выше тенденцию прецедентного толкования, можно даже утверждать, что субъект толкования не просто *может*, но *должен* обращаться к соответствующим внешним источникам толкования после уяснения смысла закона на базе выбора теории толкования и анализа текста статута [1, с. 297]. Практика работы частных адвокатов в США

показывает, что при ссылке на федеральный закон в суде, адвокат *обязан* изучить все отчеты комитетов Конгресса, сформированные в процессе принятия данного закона. Также адвокату *следует* ознакомиться с общим правом, которое в свое время регулировало данный вопрос федерального статута. И если адвокат приходит к выводу, что его точка зрения далека от регулирования общего права, адвокату следует пересмотреть свою позицию, так как суд может отдать предпочтение именно позиции, подкрепленной общим правом. Таким образом, можно сделать вывод, что современная тенденция толкования проявляется в том, что даже при безошибочной возможности определения «явного смысла» статута судьи все равно будут обращаться к внешним источникам толкования [1, с. 297]. Тем не менее, некоторые юристы и судьи утверждают, что при полной ясности текста закона обращение к этим источникам излишне, в чем и проявляется уже описанное выше «противостояние» трех основных теорий толкования статутов.

Итак, одним из старейших правил толкования системы общего права являлось правило об *узком толковании статутов, отменяющих положения общего права*. Но в США с принятием Конституции общее право было практически вытеснено, и данное правило стало жестко критиковаться, а во многих штатах, было полностью отменено [2, 3]. Тем не менее, общее право остается одним из главных источников толкования в таких институтах права, как деликты, договоры, собственность, в морском праве. Достаточно интересным с точки зрения применения общего права как источника толкования является решение Верховного Суда США, вынесенное по делу *Bob Jones University v. United States* 1983 года. Кодекс внутренних доходов США освобождает от налогообложения организации, которые были «учреждены и функционируют исключительно в религиозных, благотворительных, образовательных или научных целях...». Университет *Bob Jones* довольно долго пользовался данным освобождением от налогообложения, так как действовал исключительно в образовательных целях. Однако после внимательного изучения системы приема студентов на учебу в данный Университет, Служба внутренних доходов лишила его данных налоговых изъятий по причине выявления расовой дискриминации в критериях приема на учебу, что серьезно противоречит публичному порядку в США. Университет обжаловал решение Службы внутренних доходов в Верховный Суд США. Однако Верховный Суд указал Университету *Bob Jones*, что целью положения Кодекса внутренних доходов в США о налоговых изъятиях является кодификация *нормы общего права* о

предоставлении «благотворительным трастам» в широком смысле привилегированного положения. По общему праву, такое привилегированное положение прекращало свое действие при нарушении «благотворительным трастом» местных нормативных актов, приводящем к серьезному нарушению публичного порядка. Такое толкование, по мнению суда, должно придаваться и смыслу федерального статута. Таким образом, *общее право* продолжает играть большую роль в системе толкования норм права в США.

В сфере **уголовного права** США взаимодействие общего права и толкования ярче всего проявилось в каноне «*mens rea*» - «каноне преступного умысла», который можно охарактеризовать следующим образом: если закон, вводящий в систему права новый вид преступления, полностью повторяет общее право, у такого преступления предполагается наличие преступного умысла («*mens rea*») при его совершении. Корни данного правила восходят к древнему принципу общего права «*actus non facit reum nisi mens sit rea*» – действие не является преступлением, пока не доказан преступный умысел [2, с. 303]. Речь идет, однако, о тех случаях, когда понятие преступного умысла прямо не выражено в законе. Сущность принципа и сложности современного применения были весьма удачно описаны судьей Робертом Джексоном по делу *Morrisette v. United States* 1952 года: «Преступление, как многосоставная концепция, обычно складывается из совпадения злого умысла и действия в соответствии с этим умыслом... По мере того, как штаты кодифицировали общее право о преступлениях, даже если их законы умалчивали об этом, суды не расценивали это опущение как отказ от принципа, а попросту признавали тем самым, что понятие умысла является настолько неотъемлемым для преступления, что не требует законодательного одобрения». Само дело *Morrisette* касалось охотника на оленей, который часто выезжал на охоту по территории штата Мичиган, принадлежащей ВВС США, где по расписанию проходили учебные авиаудары, но в остальное время местным жителям было разрешено охотиться на оленей. После целого дня неудачной охоты, г-н Мориссетт решил подобрать фрагмент учебной авиабомбы, который, по его мнению, был «брошен» (*abandoned*). Г-н Мориссетт был обвинен в незаконности «присвоения ценности США», ему грозил суровый срок и крупный штраф. Однако дело дошло до Верховного Суда США, который установил, что в данном преступлении, несмотря на отсутствие указания на это в законе, обязателен «преступный умысел», которого у обвиняемого не было [2, с. 305].

История принятия закона [3-6] как юридическое понятие в праве США представляет собой совокупность документированных рассуждений об отдельных пунктах закона или о законе в целом, происходящих во время дебатов в Конгрессе, как правило, до принятия закона. К таким документированным рассуждениям относят *протоколы слушаний, отчеты комитетов Конгресса, заявления инициаторов статута, официальные дискуссии между членами палат, доклады законодательных конференций (между двумя палатами Конгресса)*, иногда включают *текст проекта закона, вето Президента или документы на подпись Президенту*. Также существует точка зрения, что последующие обсуждения закона, то есть имевшие место после его принятия, тоже следует внести в выше обозначенный перечень. Но большинство юристов склоняются к мнению, что это уже другой источник толкования – *последующая история статута*.

Если суммировать современное отношение американской доктрины к данному источнику толкования, то история принятия закона должна применяться только в том случае, если она:

- доступна любому (среднестатистическому) юристу;
- относима к конкретному вопросу, подлежащему толкованию;
- достоверна как результат достигнутого компромисса в законодательном органе;
- разумна с точки зрения затрат на ее получение [15, с. 1215].

Если попытаться вкратце сформулировать соотношение источников, берущих за основу текст закона или внешние сопутствующие его принятию факторы, такие как история принятия закона, то можно четко утверждать лишь то, что данные источники находятся в упорном антагонизме. Верховный Суд США в 1982 году заявил о том, что правило «явного смысла» статута имеет преимущество, если положение закона недвусмысленно применимо к данной проблеме [17], и что «словесные формулировки статута являются отправной точкой при вынесении прецедентного решения, которым толкуется статут» [18]. Верховный Суд также высказал предостережение относительно использования материалов по истории принятия законодательства в качестве средства уяснения намерений законодателя, считая, что такой «метод следует использовать осмотрительно» [19]. Суд подтвердил наставление судьи Холмса: «нам не интересно, что имел в виду законодатель, нам интересно только то, что имеет в виду закон» [20].

При этом Верховный Суд иногда впадал в другую крайность. В 1976 году члены Верховного Суда единогласно отменили решение Апелляционного суда США о применении правила «явного смысла» и отказе от использования материалов истории принятия толкуемого законодательства [21]. По-видимому, язык законодательных актов редко бывает настолько ясным и понятным, чтобы исключить саму возможность Верховного Суда хотя бы «краем глаза» взглянуть на историю принятия закона, чтобы уяснить смысл его формулировок. Судя по всему, такой «беглый взгляд» требуется даже в тех случаях, когда смысл положений закона совершенно ясен: одна из версий правила «явного смысла» гласит, что язык статута превалирует «в отсутствие ясно выраженного в законе намерения противоположного характера» [22]. Именно поэтому толкование закона «О гражданских правах» 1964 года в решении Верховного Суда по делу *United Steelworkers of America v. Weber*, рассмотренное выше, допускало некоторую дискриминацию белых работников по расовому принципу (в рамках применения программы «защитных» (*affirmative*) действий в отношении меньшинств), несмотря на содержащийся в законе прямой запрет дискриминации («по <...> расовому признаку»). Анализ истории принятия закона выявил намерение законодателя разрешить в разумных пределах попытку исправить «очевидный расовый дисбаланс в традиционно сегрегированных сферах» занятости [23, с. 130].

При обращении к источникам истории законодательства следует помнить о том, что эти документы имеют разную доказательственную силу.

Высшей доказательственной силой среди внешних источников толкования обладают **отчеты комитетов законодательного органа** [24]. Эти отчеты содержат характеристику законопроектов, разработанных различными комитетами после подробного изучения соответствующей сферы права, анализа доказательств и аргументов в пользу или против принятия законопроекта, а также результаты голосования членов комитета о направлении законопроекта на рассмотрение и утверждение в соответствующую палату Конгресса. Отчеты комитетов считаются важным подспорьем при толковании законодательства, поскольку загруженные работой законодатели часто обращаются к этим отчетам за информацией о законопроекте при принятии решения о его поддержке или отклонении. Столь же важная роль отводится отчетам согласительных комиссий, если таковые существуют. Согласительные комиссии создаются из числа конгрессменов и сенаторов для устранения разногласий между

вариантами законопроекта, предлагаемыми Палатой представителей и Сенатом.

Доказательственной силой, равной отчетам комитетов, обладают и заявления отдельных законодателей, являющихся авторами законопроектов [25]. Заявление законодателя, сделанное на заседании Конгресса сразу после внесения поправки к законопроекту, которая позднее вошла в окончательную редакцию законопроекта, считается «явным доказательством законодательного суждения по вопросу» [26]. Заявления, высказанные в ходе дебатов Конгресса, считаются отчасти убедительными, «хотя и не имеют той же силы, что и отчеты комитетов» [27]. Заявления, сделанные «лицами, не являющимися авторами законопроекта, имеют небольшое значение» [28], а «опасения и сомнения оппозиции не являются авторитетным руководством по толкованию законодательства» [29].

Судья Антонин Скалиа, как было показано выше, выступает в поддержку правила «явного смысла», будучи убежденным в том, что история законодательства служит чрезвычайно ненадежным руководством по определению намерений законодателя. Он утверждает, что заявления, сделанные в Конгрессе в ходе дебатов по законопроекту, не имеют доказательственной силы, потому что они «обычно адресуются практически пустой аудитории» [30]. Нередко такие заявления специально «стряпаются» с тем, чтобы оказать влияние на суды, которым позднее придется заниматься толкованием этого закона. Существует также много возможностей «подкинуть» в стенограммы отчетов комитетов те или иные фразы либо ссылки на прецеденты Конгресса. Такая практика порочна, если в ее основе лежат философские разногласия законодателя с мнением большинства в обществе. Но еще хуже, когда подобная деятельность осуществляется по воле того или иного лоббиста, нанятого группой политического влияния для отстаивания их особых интересов путем воздействия на законодательство [31].

Суды штатов, принимающие прецедентные решения на основе толкования статутов штатов, гораздо реже обращаются к истории принятия законодательства. Дело в том, что материалы по истории принятия законов штатов, как правило, не публикуются в печати, и их довольно трудно найти и обобщить в виде сборников. Поэтому суды штатов более склонны использовать правило «явного смысла» или иные методы толкования законов.

И наконец, суды *уважительно относятся к толкованию административным ведомством* положений статута, исполнение которого входит в их компетенцию. В случае если толкование статута

административным ведомством противоречит ясно сформулированному намерению Конгресса, преимущественную силу имеет намерение законодателя, а противоречащее этому намерению ведомственное толкование подлежит отмене. Но если статут или материалы по истории вопроса допускают двоякое понимание или вообще не касаются предмета правового регулирования, суд «не просто полагается на собственное толкование статута», а обязан поддержать позицию административного ведомства, если она соответствует «допустимому толкованию статута» [32]. Для суда также имеет значение срок действия соответствующего административного толкования – используется ли это толкование уже в течение длительного времени или было сформулировано совсем недавно [33]. Кроме того, «толкования, содержащиеся в письменных заключениях, - подобно толкованиям, выраженным в политических директивах, сборниках ведомственных наставлений и инструкциях (а все они не имеют силы закона), - не заслуживают такого же уважительного отношения со стороны суда, как предписано в решении по делу *Chevron, U.S.A., Inc. v. Natural Resources Defense Council, Inc.* Они «вправе рассчитывать на уважение», но только в той мере, в которой они являются убедительными» [34].

Подводя итог рассмотрению теорий, средств, подходов и методов толкования в США, можно привести слова великого теоретика юридического реализма, Карла Ллевелина: «По каждому вопросу толкования всегда существует два противостоящих друг другу канона, однако для использования любого из них, необходимо определить системообразующую теорию толкования, применимую в данном конкретном случае. Общим же подходом является *всесторонний анализ ситуации и «простое» толкование имеющегося текста для понимания этой ситуации, с разумным обращением к средствам толкования вне имеющегося текста*» [35, с. 401]. Такова формула современного толкования норм права в США во всей своей органичности и внутреннем антагонизме.

Тем не менее противоречивость канонов и теорий толкования, и само существование канонов, равно как и их юридическая ценность, до сих пор являются предметом доктринальных споров в США. Дело в том, что каноны часто противоречат формально-юридическому подходу к толкованию, но так как они выработаны судебной практикой, отрицать их существование, по меньшей мере, нелогично, исходя из особенностей англосаксонской правовой системы. Поэтому их «правовой режим» до сих пор до конца не определен, однако их

влияние на окончательное решение американского судьи сегодня нельзя недооценивать.

Чтобы подчеркнуть и обозначить состояние современного развития доктрины и практики толкования в США, можно вполне воспользоваться фразой Генри Харта и Альберта Сакса, произнесённой еще в 1950 году: «Не ожидайте, что какая-либо теория статутного толкования, Ваша или чья-нибудь еще, будет служить четким отражением того, как на самом деле судьи толкуют закон. *Горькая правда заключается в том, что американские судьи не имеют вразумительной, ясной, всеобщей принятой и повсеместно применяемой теории статутного толкования*» [15, с. 1169].

Список литературы:

1. William N. Eskridge, Jr., Philip P. Frickey, Elizabeth Garrett, *Legislation and Statutory Interpretation*, Second Edition, Foundation Press, 2006.
2. Antonin Scalia, *A Matter of Interpretation: Federal Courts and the Law* 29 (1997).
3. Jefferson Fordham & J. Russell Leach, *Interpretation of Statutes in Derogation of the Common Law*, 3 *Vand. L. Rev.* 438 (1950).
4. Antonin Scalia, Bryan A. Garner, *Reading Law: The Interpretation of Legal Texts*, 1st edition, 2012.
5. Stephen Breyer, *On the Uses of Legislative History in Interpreting Statutes*, 65 *S Cal. L. Rev.* 845 (1992);
6. James Brudney, *Congressional Commentary on Judicial Interpretations of Statutes: Idle Chatter or Telling Response*, 93 *Mich. L. Rev.* 1 (1994);
7. Richard Danner, *Justice Jackson's Lament: Historical and Comparative Perspectives on the Availability of Legislative History*, 13 *Duke J. Comp. & Int'l L.* 151 (2003);
8. Daniel Farber & Philip Frickey, *Legislative Intent and Public Choice*, 74 *Va. L. Rev.* 423 (1988);
9. Jane Schacter, *The Confounding Common Law Originalism in Recent Supreme Court Statutory Interpretation: Implications for the Legislative History Debate and Beyond*, 51 *Stan. L. Rev.* 1 (1998);
10. Peter Schank, *The Only Game in Town: An Introduction to Interpretative Theory, Statutory Construction, and Legislative Histories*, 38 *Kan. L. Rev.* 815 (1990);
11. Charles Tiefer, *The Reconceptualization of Legislative History in the Supreme Court*, 2000 *Wis. L. Rev.* 205;
12. W. David Slawson, *Legislative History and the Need To Bring Statutory Interpretation Under the Rule of Law*, 33 *Stan. L. Rev.* 383 (1992);

13. Patricia Wald, *The Sizzling Sleeper: The Use of Legislative History in Construing Statutes in the 19088-89 Term of the United States Supreme Court*, 39 Am. U. L. Rev. 277 (1990);
14. Nicholas Zeppos, *Legislative History and the Interpretation of Statutes: Toward Fact-Finding Model of Statutory Interpretation*, 76 Va. L. Rev. 1295 (1990).
15. Henry Hart, Jr. & Albert Sacks, *The Legal Process: Basic Problems in the Making and Application of Law 1253-54* (William Eskridge, Jr. & Philip Frickey publication editors, 1994);
16. George Costello, *Average Voting Members and Other "Benign Fictions": The Relative Reliability of Committee Reports, Floor Debates, and Other Sources of Legislative History*, 1990 Duke L.J. 39.
17. Решение Верховного Суда США по делу American Tobacco Co. v. Patterson, 456 U.S. 63, 68 (1982).
18. Решение Верховного Суда США по делу Ernst & Ernst v. Hochfelder, 425 U.S. 185, 197 (1976).
19. Решение Верховного Суда США по делу Piper v. Chris-Craft Industries, Inc., 430 U.S. 1, 26 (1977).
20. Решение Верховного Суда США по делу S & E Contractors v. United States, 406 U.S. 1, 14 n. 1 (1972).
21. Решение Верховного Суда США по делу Train v. Colo. Public Interest Research Group, 426 U.S. 1 (1976).
22. Решение Верховного Суда США по делу Maine v. Thiboutot, 448 U.S. 1, 6, n. 4 (1980).
23. William Burnham. *Introduction to the Law and Legal System of the United States*, 3d ed., West Education Group, 2007.
24. Решение Верховного Суда США по делу Lewis v. United States, 445 U.S. 55, 63 (1980).
25. Решение Верховного Суда США по делу Fed. Energy Administration v. Algonquin SNG, Inc., 426 U.S. 548, 564 (1976); Из решения Верховного Суда США по делу United States v. International Union, 352 U.S. 567, 573-75 (1957).
26. Решение Верховного Суда США по делу Simpson v. United States, 435 U.S. 6, 13 (1978).
27. Решение Верховного Суда США по делу Chandler v. Roudeshush, 425 U.S. 840, 858 n. 36 (1976).
28. Решение Верховного Суда США по делу Ernst & Ernst v. Hochfelder, 425 U.S. 185, 203 n. 24 (1976).
29. Решение Верховного Суда США по делу Gulf Offshore Co. V. Mobil Oil Co., 453 U.S. 473, 483 (1981).
30. Мнение судьи Скалиа по делу Crosby v. National Foreign Trade Council, 530 U.S. 363, 391 (2000).

31. Мнение судьи Скалиа по делу *Blanchard v. Bergeron*, 489 U.S. 87, 98-99 (1989).
32. Как указал Верховный Суд США в решении по делу *Chevron, U.S.A., Inc. v. Natural Resources Defense Council, Inc.*, 467 U.S. 837 (1984). См. также решение Верховного Суда США по делу *E.I. DuPont de Nemours and Co. v. Collins*, 432 U.S. 46, 54-55 (1977) (нужно следовать толкованию статута, осуществленному теми, «кому поручено его применение, если только нет очевидных признаков, что такое толкование неверно»). Однако есть и противоречивые решения: см. решение по делу *Compare Food and Drug Admin. v. Brown & Williamson Tobacco Corp.*, 529 U.S. 120 (2000) (суд отказался следовать толкованию Управления по контролю за качеством продуктов и лекарств, которое утверждало, что в полномочия данного ведомства входит возможность регулирования рынка табачной продукции; вся структура статута, более поздние статуты, а также здравый смысл указывали на обратное).
33. Решение Верховного Суда США по делу *North Heaven Board of Education v. Bell*, 456 U.S. 512, 522 n. 12 (1982).
34. Решение Верховного Суда по делу США по делу *United States v. Media Corp.*, 533 U.S. 218 (2001) (в решении отвергнуто толкование законов, содержащихся в «письменных заключениях» о тарифах, которые составлялись таможенной службой).
35. Karl Llewellyn, *Remarks on the Theory of Appellate Decision and the Rules or Canons About How Statutes Are To Be Construed*, 3 *Vand. L. Rev.* 395, 401 (1950).

СЕКЦИЯ 7.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

КОНФЛИКТЫ ИНТЕРЕСОВ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Шихнабиев Рустам Абдулкадирович

*старший участковый уполномоченный полиции,
Управление Министерства внутренних дел России
по городу Калуге, РФ, г. Калуга*

Процессуальный закон (ч. 1 ст. 6 УПК РФ [2]) одной из основных задач уголовного судопроизводства ставит защиту прав и законных интересов потерпевших, в числе которых может быть и организация. С момента принятия в ноябре 2001 г. УПК РФ в положениях ст. 42 УПК РФ неоднократно вносились дополнения по расширению и совершенствованию механизма реализации прав на участие потерпевшего как в уголовном преследовании лица, совершившего в отношении него преступление, так и в защиту имущественных прав вследствие нанесения ущерба потерпевшему совершенным преступлением.

Однако, несмотря на достаточно длительное с момента принятия УПК РФ время, ряд вопросов в уголовном судопроизводстве остается неурегулированным. К числу таких вопросов следует отнести случаи, когда сталкиваются интересы не только общества и лица, привлекаемого к уголовной ответственности, но и лиц, которые пострадали от преступления, а также лиц, которым может быть нанесен ущерб от наступления последствий совершенного преступления, или наоборот – нарушенные права могут быть восстановлены лишь в случае разрешения в ходе следствия или суда конфликта интересов прав потерпевших. Причем интересы потерпевших или способы их удовлетворения могут не совпадать с общественными интересами. И более того, даже признание лица потерпевшим ставится порой в зависимость от целей и действий, которые преследует потенциальный потерпевший.

Тема конфликта интересов в уголовном процессе поднималась рядом исследователей. При этом, как указала исследователь

Н.А. Власова, «признание обстоятельств, об установлении которых просит в ходатайстве участник процесса, имеющими значение для дела, зависит от того, насколько правильно оценило их и какой сделало вывод лицо, производящее расследование. Разрешение должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, вопроса о том, кому отдать предпочтение среди претендентов в потерпевшие, а также кто имеет больше оснований для того, чтобы быть признанным потерпевшим – не единственная сторона проблемы. Тем более что процессуальный закон (п. 1 ст. 42 УПК РФ) позволяет следствию практически не ограничивать круг потерпевших, которым нанесен имущественный или иной вред совершенным преступлением. Другая сторона – наличие у потерпевших противоположных интересов, целей, которые они преследуют» [6].

Отсюда, соответственно, возникают мотивации в поступках и действиях потерпевших, интересы которых разнятся или вступают в скрытое противоречие с мотивами следствия по обнаружению, фиксации и закреплению доказательств в ходе расследования уголовного дела. Причем этот конфликт порой не влияет на объем и пределы доказывания по уголовному делу и не влечет за собой изменений по возможным последствиям объема обвинения для подследственного или подсудимого, но влечет за собой изменения в возможностях для одного из потерпевших по восстановлению нарушенных его имущественных прав.

По-разному исследователями видятся пути разрешения конфликта интересов потерпевших. В частности, О.С. Почечуева предлагает: «Должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, в случае конфликта интересов между потерпевшими по одному и тому же уголовному делу должно убедиться в добровольности решений потерпевших, их представителей, реальности возмещения потерпевшим материального ущерба и компенсации морального вреда, мотивах, послуживших к возникновению противоположных интересов, и дать письменные пояснения или разъяснения вышестоящему должностному лицу с информацией о конфликте и принять меры по их урегулированию» [7].

Однако указанная позиция исследователя представляется нам ущербной, так как вступает в противоречие с правами, закрепленными в ст. 42 УПК РФ, и с положениями ст. 1 федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [5], не допускающей подмену осуществления функций суда каким-либо иным должностным лицом. Следовательно, в случае несогласия или уклонения какой-либо стороны от предложенных следствием мер по

урегулированию, возникший конфликт интересов у потерпевших сохраняется. Потерпевшие при этом в ходе расследования уголовного дела продолжают преследовать абсолютно противоположные цели, в том числе и по появлению в уголовном деле круга доказательств, по сути не изменяющих объем и пределы доказывания вины подсудимого по уголовному делу, но на деле влекущие для одного из субъектов, признанных потерпевшим, разные гражданско-правовые последствия.

При этом вообще возникает проблема невозможности разрешения такого конфликта интересов потерпевших в рамках расследования и судебного разбирательства по уголовному делу. Потерпевшие в силу положений ст. 44 УПК РФ могут предъявить подсудимому гражданский иск для восстановления своих имущественных прав или имущественной компенсации морального вреда или компенсации репутационного вреда, если это касается нарушенных прав юридического лица. УПК РФ допускает возможность выделения гражданского иска и рассмотрения его в гражданском процессе. Однако дальнейшее разрешение гражданского иска потерпевших в рамках гражданского судопроизводства может вступить в противоречие с интересами отдельных потерпевших, если только конфликт интересов потерпевших не находит своего разрешения в ходе рассмотрения уголовного дела. Указанное объясняется положениями ст. 90 УПК РФ, закрепляющей преюдициальное значение фактических обстоятельств, установленных в ходе рассмотрения уголовного дела для судов общей юрисдикции (п. 4 ст. 61 ГПК РФ [4]) и арбитражных судов (п. 4 ст. 69 АПК РФ [3]).

Возникает вопрос – как поступить, если в ходе расследования уголовного дела следствие в рамках, стоящих перед ним задач ограничивается только установлением, поиском, сбором и закреплением доказательств с соответствующей их проверкой в рамках процессуальных действий, регламентированных УПК РФ. На возможные при этом возражения со ссылкой на положения ст. 6 УПК РФ, предусматривающей в качестве одной из задач уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов потерпевших от преступления, следует ответить, что главная цель стадии расследования заключается в установлении оснований для постановки перед судом вопроса о виновности определенного лица в совершении конкретного преступления и применения к нему наказания, предусмотренного УК РФ [1]. В ходе судебного разбирательства в суде рассматривается обвинение, сформулированное при расследовании, а также подтверждающие его доказательства. Задача суда – проверить выводы, к которым пришел орган расследования, и версии защиты,

которые отвергнуты следствием. Соответственно, предоставление суду доказательств вины подсудимого охватывается целью стадии расследования. Таким образом, вектор направленности всех процессуальных действий на следствии и в суде ориентирован на подсудимого.

Действующий УПК РФ не содержит норм, предписывающих следствию или суду разрешать спор, касающийся первоосновы возникновения конфликта интересов прав потерпевших, и устанавливать обстоятельства, выходящие за необходимые пределы доказывания состава преступления. Наиболее показательными являются экономические преступления и преступления в сфере компьютерной информации, при расследовании которых выявляется конфликт интересов потерпевших. XXI век – это век информации и техногенной инженерии. И количество профильных преступлений увеличивается с каждым днем.

Какой же выход из создавшейся ситуации нам видится. Считаем, что необходимо в действующий УПК РФ ввести новое понятие, назовем его условно «солидарные потерпевшие». Указанным термином должны охватываться лица, у которых, по мнению следователя, органа дознания или прокурора, возникает конфликт интересов. Более того, при этом должна быть введена оговорка в процессуальный закон, предусматривающая пределы нераспространения (в силу положений ст. 90 УПК РФ) преюдиции приговора в части установления нарушения прав солидарных потерпевших. Считаем, в действующий УПК РФ необходимо ввести новую статью, которую мы выше условно назвали «солидарные потерпевшие» в следующей редакции: «Солидарные потерпевшие – лица, указанные в п. 1 ст. 42 УПК РФ, при возникновении у них конфликта интересов по целям, способам, размерам определения денежного возмещения причиненного им преступлением имущественного ущерба, а также возможных убытков вследствие наступления последствий для них от совершенного преступления и установлению при этом субъекта гражданской ответственности».

При этом, вынося приговор подсудимому, суд должен оставлять право за потерпевшими, при наличии между ними конфликта интересов, разрешить спор в рамках гражданского судопроизводства, предоставляя им право на использование доказательств, добытых в рамках уголовного судопроизводства. В рассматриваемом случае потерпевшие, разрешая спор в рамках гражданского судопроизводства, будут иметь возможность предоставить суду также новые доказательства, которые не были предметом их поиска, установления и закрепления в ходе уголовного судопроизводства и которые

изначально выходили за предмет доказывания по уголовному делу. При этом представляется целесообразным ввести норму, закрепляющую право следствия и суда ограничиться сбором и закреплением доказательств исключительно в пределах, необходимых для доказывания предъявленного обвинения лицу, совершившему преступление.

Список литературы:

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.07.2017) // "Российская газета", N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.
2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // "Российская газета", N 249, 22.12.2001.
3. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // "Собрание законодательства РФ", 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // "Парламентская газета", N 220-221, 20.11.2002.
5. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) "О судебной системе Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 06.01.1997, N 1, ст. 1.
6. Власова Н.А. Заявление и разрешение ходатайств в ходе предварительного расследования // Государство и право. 2013. № 4. С. 41–47.
7. Почечуева О.С. Нерешенные проблемы представительства интересов потерпевших в уголовном процессе // Адвокат. 2016. № 11. – С. 76–81.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ

Рамазонова Наргиза Абдирашидовна

*докторант Ташкентского государственного юридического
университета,
Узбекистан, г. Ташкент*

Аннотация. В статье исследуются вопросы определения криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, преступления, несовершеннолетние.

Известно, что криминалистическая характеристика преступлений является первоначальной важной информацией, процесс расследования во многом зависит от полноценности и беспристрастности данной информации. Учитывая то, что преступления совершенные несовершеннолетними рассматриваются как отдельный вид преступлений, проверка полноценности криминалистической характеристики преступления имеет большое значение в процессе расследования. Актуальность изучения криминалистической характеристики преступления обуславливается необходимостью быстрого, всестороннего и беспристрастного расследования преступлений.

Рассматривая теоретические подходы к определению криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними, Т.Э.Арипов отметил, что при расследовании преступлений несовершеннолетних необходимо обратить внимание на личность и психологию несовершеннолетнего, классификацию преступников, обстоятельства, подлежащие изучению и др. [1, с. 211]. По мнению автора, при расследовании следует учитывать:

- а) недостаточный жизненный опыт;
- б) не достаточность в формировании принципов, правил, определений, критериев оценки себя и окружающих, в результате не осознание сущности происходящих вокруг событий;
- в) доверчивость, эмоциональность, нервозность, быстрое подпадание под влияние окружающих, нерешительность, стремление быть похожим на взрослых, переоценка своих возможностей и т.д. [2, с. 501].

Как отмечает А.Б.Кулахметов, в качестве элементов криминалистической характеристики преступлений выступают:

- а) обстоятельства совершенных преступлений (объект преступного посягательства, место и время совершенного преступления);
- б) способы совершения и сокрытия преступления;
- в) информация, характеризующая личность преступника и потерпевшего;
- г) обстоятельства расследования [3, с. 19].

Несмотря на то, что в работах таких авторов, как Г. Абдумажидов [4, с. 19], Р. Алимova и А. Норбоев [5, с. 62], Т. Мирзаев [2, с. 331] проанализированы вопросы расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами, криминалистическая характеристика данного вида преступлений не рассмотрена. В частности, Г. Абдумажидовым [4, с. 15] в параграфе, именуемом «Криминалистическая характеристика преступлений», в качестве криминалистической характеристики преступлений несовершеннолетних перечисляются обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам несовершеннолетних. Однако нам представляется целесообразным дифференциация понятий «криминалистическая характеристика» и «обстоятельства, подлежащие доказыванию».

Изучение научных работ А. Г. Филиппова и Н. А. Бурнашева дают основание полагать, что криминалистическая характеристика преступлений охватывает:

- предмет посягательства (обычно это малогабаритные легко транспортируемые вещи, как правило, престижные в молодежной среде);
- способы совершения преступления (характеризуется подражанием действиям взрослых преступников, известным из литературы, кино, телевидения; не выраженностью так называемой преступной персеверации, т.е. стойкой приверженности к однажды избранному способу, за исключением групп несовершеннолетних, в которых есть взрослый подстрекатель; обычно отсутствием тщательной подготовки к совершению преступления, попыток скрыть следы преступления);
- место, время и обстоятельства совершения преступления (в вечернее время несовершеннолетние чаще совершают хулиганства, нанесение телесных повреждений, грабежи, разбои, иные преступления против личности; в дневное – кражи из квартир (преимущественно через форточки на первых этажах домов), половые преступления и некоторые другие виды правонарушений. В общественных местах несовершеннолетние нередко учиняют хулиганские действия, массовые беспорядки (особенно болельщики

различных футбольных команд). Подростки совершают преступления преимущественно неподалеку от мест, где они проживают);

- особенности оставляемых от преступников следов (отличается наличием по этим делам значительного количества материальных следов (следы рук, ног, зубов, надписи на стенах и так называемые «кляксы», которые делаются с помощью аэрозольных распылителей));

- личность преступника (преступники-подростки обычно характеризуются высокой эмоциональной возбудимостью, сопряженной с колебаниями настроения, раздражительностью, но решение совершить преступление – это, как правило, следствие нравственной деформации личности, искажений в социальном развитии подростка, а не его возрастных особенностей);

- личность потерпевшего (потерпевшими по рассматриваемым делам могут быть как взрослые, так и несовершеннолетние, в отношении взрослых подростки чаще совершают преступления группой (убийства, хулиганства, грабежи, разбои и т.д.), в отношении сверстников преобладают половые преступления, нанесение телесных повреждений, хулиганские проявления) [8, с. 426].

В отличие от А.Г.Филлипова и Н.А.Бурнашева, В.О.Лапин рассматривает мотив и цель совершения преступления в качестве элемента криминалистической характеристики, а следы совершенного преступления, по мнению автора, не являются одним из элементов [9, с. 837].

Н.П.Яблоков, В.Я.Колдин и И.Ф.Герасимов выделяют:

1. сведения о способах совершения преступления,
2. механизм совершения преступления;
3. обстоятельства совершения преступления,
4. личность преступника и
5. личность потерпевшего,
6. следы преступления как элементы криминалистической характеристики [10, с. 325].

В заключение, считаем целесообразным рассмотрение следующих элементов в качестве элементов криминалистической характеристики:

- а) общие и специфические особенности преступления, совершенного несовершеннолетним;
- б) способы подготовки, совершения и сокрытия преступления;
- в) механизм совершения преступления;
- г) обстоятельства преступления, совершенного несовершеннолетними (место, время и др.);

д) специфические особенности следов, оставляемых от преступлений, совершенных несовершеннолетними (механизм следообразования);

е) предупреждение и профилактика преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Список литературы:

1. Коллектив авторов. Криминалистика. – Т.: Адолат, 2003.
2. Коллектив авторов. Криминалистика. – Т.: Фан ва технология, 2005.
3. Қулахметов А.Б. Расследование преступлений несовершеннолетних. – Т.: Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2003.
4. Абдумажидов Ғ.А. и др.. Криминалистика. – Т.: Адолат, 2003.
5. Алимова Р.А., Норбоев А.Н. Методика расследования отдельных видов преступлений. – Т.: ТДЮИ, 2007.
6. Филиппов А.Г. Криминалистика. – М.: Высшее образование, 2006.
7. Волынский А.Ф., Лавров В.П. Криминалистика. – М.: Юнити Дана, 2009.
8. Яблоков Н.П., Колдин В.Я. Криминалистика. – М.: МГУ, 1990.

КОНФЕРЕНЦИЯНЫН КЫРГЫЗ ТИЛИНДЕ ОКУЛГАН ДОКЛАДДАРЫ

БӨЛҮМ 1.

ИШКЕ КАБЫЛ АЛУУ; КООМДУК КООПСУЗДУК МЫЙЗАМЫ

ИНСТИТУТ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Джаркымбаева Акак Карыбековна

научный сотрудник

*Национальная академия наук Кыргызской Республики Отделение
Гуманитарных и Экономических наук Институт философии и
политико-правовых исследований Отдел права,
Кыргызская Республика, г. Бишкек*

Аннотация. В данной статье речь идет о том, как Конституция Кыргызской Республики была основана на исторические, общие духовные человеческие ценности, также об ее основных направлений - углублении многообразных экономических и демократических принципов, защищенности и утверждённой суверенности республики.

Ключевые слова: Конституция, кыргызская государственность, суверенность, декларация, закон, референдум, государственный строй.

Кыргыз элинин тарыхый жолунда, өзүнүн ан-сезими, улуттук тили, маданияты калыптанып, башка элдер кабардар болгон өз жери болсо дагы дайыма эле борболоштурулган мамлекеттик бийликке ээ боло беришкен эмес. Анын курамында болгон уруулар кылымдарды карытып өз алдынча жашап келишкен. Алар жалпы улуттук коркунуч туулган учурларда гана биригишип, бирге согушшкан. Ал эми тынчтык күндөрү ар бир уруу өзүлөрүнүн аймактарында өз башчыларынын башкаруусу алдында жашап келишкен. Кыргыздардын кошулуусунан кийин Россия империясы XIX кылымдын экинчи

жарымынын башталышында алардын улуттук кызыкчылыктарын коргобостон, тескерисинче алардын жерлерин үч бөлүкө бөлүп, башка эки - өзбек жана казак элдеринин административдик аймактарына кошуп салган: Ысык-Көл, Нарын, Чүй борбору болуп Верный шаары (Алматы) эсептелген Жети-Суу областына, Талас - Сыр-Дарыя областынын, Олуя-Ата уездине, ал эми түштүк кыргыздардын жерлери Ферганага кошулган. Ошого карабастан, алардын башында орус чиновниктери туруп, кыргыздар коңшу элдердин арасына аралашып кетет деген кооптонуу болгон. Бул абал Россияда Февраль жана Октябрь революцияларынан кийин да сакталып калган.

Октябрь революциясынан кийин кыргыз этносунун активдүү өкүлдөрү өз элин кайрадан бир бүтүндүкө чогултуу аракетинде болушуп, борбордук бийликтин алдына алардын биригүүлөрү туурасындагы маселени коюшкан. Аталган маселе Орто Азиядагы улуттук республикалардын түзүлүү процессинде чечилген. 1924-жылдын 14-октябрында РСФСР Кара-Кыргыз автономиялуу областы түзүлгөн (1925-жылдан бери Кыргыз автономиялуу областы). 1926-жылдын 1-февралынан баштап аталган облас Кыргыз АССРи, ал эми 1936-жылдын 5-декабрынан тартып Кыргыз ССРи болуп калган. Советтик бийлик жылдары социалистик мамлекеттин түзүлүүсү бийликтин бардык системаларынын борборлошуусун катуу көзөмөлгө алган. Республика СССРдин экономикасынын, бюджетинин, саясатынын жана идеологиясынын алкактарынан тышкары чыгып, өз кызыкчылыктарында башка мамлекеттер менен карым-катнаштарда боло алган эмес. Ал тургай кандайдыр-бир маанилүү чарбалык объектти куруу үчүн да Москванын макулдугу керек болгон [1]. Бир дагы орган жогорку бийлик болуп эсептелген КПСС Борбордук Комитетинин макулдугусуз өз алдынча иш алып бара алышкан эмес. 1991-жылдын 31-августунда Кыргыз Республикасынын Жогорку Кеңеши мамлекеттин көз карандысыздыгын жана эгемендүүлүгүн жарыяланган «Кыргыз Республикасынын мамлекеттик көз карандысыздыгы туурасындагы декларацияны» кабыл алган: «Кыргыз Республикасынын Жогорку Кеңеши салтанаттуу түрдө мамлекеттик эгемендүүлүк туурасында жарыя кылган, анда Кыргыз Республикасынын аймагындагы мамлекеттик бийликтин үстөмдүк кылуусу жана тышкы байланыштардын көз карандысыздыгы» айтылган. Декларацияда эгемендүү Кыргызстандын мыйзам менен укука негизделген демократиялык коомду түзүү максаты туурасында кеп болгон. Эгемендүү Кыргызстандын ишмердүүлүктөрүнүн тышкы жана ички чөйрөлөрүнүн негизги ажырагыс укуктарына: бардык республиканын аймагындагы Конституциянын жана мыйзамдардын

үстөмдүгү; аймагынын кол тийгистиги жана биримдиги; административдик-аймактык түзүлүштү аныктоо; жарандыка кабыл алуу жана андан чыгаруу; баш калкалоо берүү; жазалоонун түрлөрүн аныктоо; мамлекеттик тилдин болуусу; менчиктештирүү, бардык жаратылыш байлыктарын пайдалануу жана аларга ээлик кылуу (жер, суу, жер алдындагы кен байлыктар, аба мейкиндиги, токойлор, флора, фауна); армияга чакыруу жана коргонуу үчүн аскердик күчтөрдү камсыздоо; аскердик наамдарды, дипломатиялык рангдарды, класстык чиндерди, мамлекеттик сыйлыктарды, ардактуу наамдарды берүү; жеке мамлекеттик символдор, желек, герб, гимн таандык. Өлкө ичиндеги мамлекеттик бийликтин өз алдынчалуулугу жана башка мамлекеттерден болгон көз карандысыздыгы 1993-жылдын 5-майындагы Кыргыз Республикасынын Конституциясында бекитилген.

Кыргыз Республикасынын Конституциясы. Кыргызстандын коомдук түзүлүшүнүн негиздерин, анын экономикалык жана саясий системасын, мамлекеттик бийликтин түзүмүн, башкаруу органдарын, алардын түзүлүшүнүн эрежелери менен принциптерин, жарандардын негизги укуктарын, эркиндиктерин жана милдеттерин аныктайт жана бекитет. КР Конституциясы тарыхый, саясий, рухий жалпы адамзаттык баалуулуктарда негизделген; анын негизги багыттары – көп түрдүү экономика жана демократиялык принциптердин тереңдөөсү, Республиканын эгемендүүлүгүнүн корголуусу жана бекилүүсү. Конституция 1993-жылдын 5-майында Жогорку Кеңеш тарабынан кабыл алынган. 1996-жылдын 10-февралында жана 1998-жылдын 17-октябрында референдумдарда ага өзгөртүүлөр менен толуктоолор киргизилген.

Республиканын аймагындагы Конституция жогорку юридикалык күчкө ээ. Мамлекеттик органдардын бардык нормативдик-укуктук актылары Конституциянын принциптерине ылайык жарыка чыгат. Конституцияга болгон өзгөртүүлөр менен кошумчалар референдумдун жыйынтыгы жана Жогорку Кеңештин эки палатасынын депутаттары тарабынан берилген добуштарынын саны 2/3 ылдый болбогон учурда киргизилет [2].

Конституция коомдук карым-катнаштардын нормативдик багыттарын караган 8 баптан, укуктук багыттар туурасындагы 12 бөлүмдөн, юридикалык нормаларды конкреттештирүү жөнүндөгү 97 беренеден турат. Биринчи бап «Кыргыз Республикасы» деп аталып төмөнкү бөлүмдөрдөн турат: «Жалпы принциптер» (6-берене) жана «Мамлекеттин түзүлүшү жана ишмердүүлүгү» (6-берене). Ага ылайык Кыргыз Республикасы (Кыргызстан) – укуктук, светтик мамлекеттин негиздеринде түзүлгөн эгемендүү, унитардык, демократиялык

республика. Кыргызстандын эли эгемендүүлүктүн алып жүрүүчүсү жана мамлекеттик бийликтин жалгыз булагы болуп эсептелет. Республиканын жарандары Президентти, Жогорку Кеңештин эки палатасынын депутаттарын, жергиликтүү өз алдынча башкаруу органдарындагы өз өкүлдөрүн шайлашат. Шайлоолор эркин болуп, жалпы жашыруун, түз жана тең добуш берүү менен өткөрүлөт. Шайлоолорго 18 жашка толгон, рассасына, улутуна, жынысына, динине, билимине, жашаган жерине, социалдык статусуна карабастан катышуу укугуна ээ жарандар катыша алышат; психикалык жактан ооруулу жана жаза мөөнөтүн аткарып жаткандар шайлоо укугуна ээ эмес. Мамлекет жана анын органдары коомдун кандайдыр-бир бөлүгүнө эмес, бүткүл элге кыйзмат кылышат. Элдердин бир бөлүгү, биригүүсү же жеке адам мамлекеттик бийликти өзүнө ыйгарып алуу укуктарына ээ болгон эмес [3].

4-берененин «Жалпы принциптер» бөлүмүндө мамлекеттин менчиги системасы жана менчиктин бардык түрлөрүнүн тең статусу аныкталган. Мамлекеттик жана жеке менчик бирдей укуктук коргоого ээ. Кыргыз Республикасынын жаратылыш байлыктары мамлекетке гана таандык. Жер менчиктин мамлекеттик, жеке жана башка формаларында болуусу мүмкүн. Жерге болгон жеке менчик юридикалык жактан 1998-жылдын 28-октябрында референдум аркылуу бекитилген. 1999-жылдын апрелинде Кыргыз Республикасынын Жогорку Кеңеши жерди сатып алуу-сатуусуна беш жылдык мораторийди киргизген: 2001-жылдын 1-сентябрынан баштап Кыргыз Республикасынын «айыл чарбачылык максаттагы жерлерди башкаруу туурасындагы» (18.12.2000) Мыйзамынын 7-бабында айыл чарбачылык максаттагы жерлер сатып алуу-сатуунун объектиси катары жер үлүштөрүнүн ээлери тарабынан аталган жер тилкесиндеги башка жер үлүшүнүн ээсине сатыла алат (15-б.). Айыл-чарбачылыка ылайыкташкан жерлерди сатып алуучу катары 18 жашка толгон жана Кыргызстандын жарандыгына ээ болгон (17-б.), андан тышкары айыл жеринде 2 жылдан кем эмес убакытта (18-б.) жашаган айыл жашоочусу боло алат. Кайра бөлүштүрүү Фондусундагы Жерлер сатылбайт. Жайыт жерлери мамлекеттин менчигинде болуп, ижарага гана берилет (21-б.) [3].

Мамлекет түздөн-түз экономиканы башкарбайт, экономиканы башкаруунун башкы механизми болуп базардык мамилелер эсептелишет. 5-беренедө белгиленгендей: Кыргыз Республикасынын мамлекеттик тили болуп кыргыз тили эсептелет. Мамлекеттик тилди билбөө белгилери боюнча жарандардын укуктары менен эркиндиктерин кемсинтүүгө жол берилбейт. 2000-жылдан бери кыргыз

тили менен катар расмий тил катары орус тили киргизилген. Кыргыз Республикасы мамлекеттик сиволдорго – тууга, гербге жана гимнге ээ. КРнын борбору – Бишкек шаары. Акча бирдиги катары 1993-жылдын 10-майында экономикалык реформаларды жана өз алдынча экономикалык саясатты жүзөгө ашыруу максатында сом киргизилген.

Конституциянын «Мамлекеттин түзүлүшү жана ишмердүүлүгү» бөлүмүндө мамлекеттик саясий-укуктук принцип, бутактара боюнча мамлекеттик бийликтин бөлүштүрүлүүсү, КРнын Конституциялык соту тараптан Конституцияны коргоо орнотулган конституциялык системанын пайдубалы аныкталган. Бийликтин мамлекеттик бутактары (мыйзам чыгаруучу, аткаруучу жана соттук) өз функцияларын өз алдынча жүзөгө ашырып, бирге иш алып барышып, өз алдынчалуулугун сакташат. Натыйжада бири-бирине бирдей болууга көмөк көрсөтүшүп, бир бутак экинчисинин эсебинен күчөп кетпөөсүнө жол беришпейт. Андан ары бул туурасында кеп кыла берсек кеп учугу бүткүдөй эмес[4].

Кыскасы, социалдык-экономикалык кырдаалдардын айынан биздин мамлекет көп вектордуу саясат жүргүзүүгө аргасыз болду. Ар өлкөгө инвестицияларды алып келүү максатында зарал карым-катнаштарды түзүп келет. Натыйжасында, ал Бириккен Улуттар Уюмуна, Дүйнөлүк Соода Уюмуна, Европадагы Коопсуздук жана Кызматташтык боюнча Уюмуна, ЮНЕСКОго, Көз карандысыз Мамлекеттердин Шериктештигине, Жамааттык Коопсуздук жөнүндө Келишим уюмуна, Шанхай Кызматташтык Уюмуна, Ислам Кызматташуу Уюмуна, Экономикалык Кызматташтык Уюмуна, Түрк тилдүү мамлекеттердин Кызматташтыгынын Кенешине мүчө болду. Бажы союзуна, Евразиялык экономикалык коомдоштукта интеграцияланууга кадам таштап жакынкы эле эмес алыскы да чет өлкөлөр менен байланыштарды жөнгө салууда.

Демократиялашуу, ааламдашуу процесстеринин аркасында эгемендүү Кыргызстандын рухий турмушунда да олуттуу өзгөрүүлөр болуп өттү. Ушуга байланыштуу аны базар мамилелерине ыңгайлаштыруу үчүн билим берүү чөйрөсүндө да бир катар мыйзамдар кабыл алынууда. Экономикалык кризистин кесепеттери илимий мекемелердин иштерине да терс таасирин тийгизди. Бирок алар, анын ичинде КР Улуттук илимдер академиясы да ушул татаал шарттарга ыңгайлашууга жана илимди өнүктүрүүнүн артыкчылыктуу багыттарын илгерилетүүгө болгон аракетин эч аяган жок. Коомдун руханий жаралуусу үчүн кылымдарды карытып муундан-муунга өтүп келе жаткан элибиздин маданий-элдик мурастарына, каада-салттарына, үрп-адаттарына, идеологиясына ж.б.у.с. аяр мамиле жасоо

учур талабы. Ошондуктан, өткөн 2016-жылды өлкө Президенти тарых жана маданият, ал эми быйылкы жаны 2017-жылды ыйман, адеп жана маданият жылы деп жарыялашы бекеринен болбосо керек деп ойлойбуз.

Список литературы:

1. Конституция (Основной Закон) Киргизской ССР 1978 г. с поправками.
2. Кыргыз Республикасынын 1993-жылдагы Конституциясы.
3. Кыргыз Республикасынын 2007-жылдагы Конституциясы.
4. Кыргыз Республикасынын 2010-жылдагы Конституциясы.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И СОСТОЯНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Джаркымбаева Акак Карыбековна

научный сотрудник

*Национальная академия наук Кыргызской Республики Отделение
Гуманитарных и Экономических наук Институт философии и
политико-правовых исследований Отдел права,
Кыргызская Республика, г. Бишкек*

Аннотация. В данной статье рассматриваются конституционные реформы в Кыргызской Республике, а также острые проблемы Конституции 2016 года, внесенные в нее изменения и поправки, кыргызской государственности, референдумов и т.д., также отмечается, что Конституция образец, определяющий будущее и направление, путеводитель, показывающий пути развития государства.

Ключевые слова: Конституция, Кыргызская государственность, закон, референдум, норма, монополия, партия.

Макалабызды адеп Кыргызстан автократияга баратабы же жокпу? - деген суроодон баштоону эп көрдүк. Калыбы, бул 2016-жылдын 4-декабрына дайындалган конституциялык референдумдун өзөктүү маселелеринин биридир. Эгерде Конституцияга сунуш кылынган өзгөрүүлөрдү өзгөртүлгөн шайлоочулук мыйзамдуулук аркылуу карай турган болсок, анда автократияга каршы жасалган

«эмдөө» фактылык жактан плутократиянын гүлдөп-өсүүсүн жөнгө салат. Бул жерде бизге маалым болгондой экөөнүн тен демократия менен эч кандай байланыштары жок. Эске сала кетүүчү нерсе, плутократия (гректин plutos байлык жана krato башкарам) – бул таасир менен бийлик бай адамдарга таандык болгон мамлекеттик башкаруунун системасы. Өлкөнүн жарандары Кыргызстандык саясатчылар жана ишкерлер өлкөнүн эгемендүүлүгүнүн биринчи күндөрүнөн тартып коррупциялык жанжалдардын узун тизмесин түзө алышат. Атайынбы же жокпу, бирок Конституцияга сунуш кылынган өзгөртүүлөр калыптануусун плутократиянын өлкөсүндө сонуна чыгышат [1].

Маалым болгондой, жаны шайлоочулук мыйзамдуулук менен негиз салынды. Алсак, партиялык тизмени киргизүү шайлоочулардын депутаттыка талапкерлигин коюу, өзүн алып чыгуу жана кыйла оптималдуу талапкерди тандоо укуктарын алып салды. Мындай манипуляциялар калктын шайлоочулук активдүүлүгүн төмөндөтүүгө жана административдик ресурстун ролунун жогорулоосуна алып келди. Эми болсо ондогон партия башчылары гана депутаттыка талапкерлерди алып чыгуу жана тандоо укуктарына ээ болду. Өздүк талапкерлигин көрсөтүүсүнүн шарты болуп талапкерлердин каржылык жана башка алдын ала төлөмдөрү эсептелет. Андан ары партиялар үчүн шайлоочулардын шайлоого келген санынын 7% парламентке болгон барьер киргизилген. Саясат таануунун негиздеринен белгилүү болгондой, партиялардын чонойтулуусунан тышкары, мындай айла-амал эки-үч партиянын саясий монополиясын бекемдөө жана саясий атаандаштарды четтетүү үчүн колдонулат [2].

Партиялык башчылар ким депутат болоорун аныкташат. Алардын көзөмөлүндөгү депутаттар өкмөттүн мүчөсү ким болоорун, тигил же бул районду, областы, министрликти, ведомствону же уюмду ким башкараарын чечишет. Ошентип, бир адамдын авторитардык башкаруусунун ордуна бийликтин мыйзамдуулук же аткаруучулук бутактарына бөлүштүрүүсүз эле жамааттык авторитаризм келет. Бул жакшыбы же жаманбы деген суроо тууулат. Конституцияга болгон кээ бир өзгөрүүлөрдү кабыл алууга болот. Бирок өкмөт менен парламенттин жаны ыйгарым укуктары жана функциялары каршы салмактар менен токтоолук системаларын жуулуп кетүүсү туурасында кеп кылышууда. Тигил же бул жаны тартиптер жөнүндө узака кеп кылууга болот. Баса белгилей кетүүчү нерсе, бир гана белги – депутатка өлкөнүн премьер-министри же вице-премьер министри болууга жана кайра депутаттык креслого кайтып келүүсүнө уруксат берүү.

Дагы бир норма – өкмөт тарабынан каржылар менен бекемделбеген мыйзамдарга тыяюу салуу – мыйзам чыгаруунун «эки» жолдук жаман системасын бекемдейт. Мындай норма мурун убагында болуп, андан баш тартышкан жана аталган маселени чечүү конституциялык талаанын чегинен тышкары турат. Кептин баары өкмөт менен парламенттин мыйзам долбоорун иштеп чыгуудагы «өз» жолдоруна ээ экендигинде турат. Бул жерде депутаттар «кыска» жолду колдонушуп, министрликтерден дайыма эле мыйзамдын долбоору боюнча корутундуну сурай беришпейт. Андыктан ошол эле каржы министрлиги депутаттык мыйзам долбооруна нейтралдуу, ал эми анын кабыл алынуусунан кийин өкмөткө- терс корутундуну жиберет алат. Мыйзам долбоору даярдалат, кабыл алынат дагы өкмөткө жиберилет. Андан кийин өкмөт 120 депутаттын жана парламенттин аппаратынын бир нече кызматкерлеринин эмгегине «жок» деп жооп берет. Референдумдун демилгечилери калыбы мунун баары каржылык жана адамзаттык ресурстарды колдонууну керек экендигин унутуп калышса керек, алар конституциялык жаны тартиптер кошумча чыгымдары талап кылбайт деп жарыялашат. Эгерде референдумдун демилгечилери чындыгында эле сапатсыз мыйзамдарды иштеп чыгуу жана кабыл алуу маселелерин чечүүнү каалашса, анда парламент жана өкмөт үчүн мыйзам долбоорлорун иштеп чыгуу жана экспертиза жүргүзүү жеке процессин киргизүү зарыл.

Андан тышкары белгилей кетүүчү жагдай, аталган «кыска» жол өзүлөрүнүн жана башкалардын кызыкчылыктарын алдыга түртүүнүн эффективдүү каражаты болуп эсептелет, б.а. мыйзам долбоору олуттуу экспертизадан өтпөйт. Чиновниктер экспертизанын тигил же бул түрүнүн бардык бөлүмдөрүнүн болуусун гана карашып, берилген кагаздын манызына сүнгүп киришпейт, бул болсо плутократтардын пайдасына чечилет. Эгерде аткаруучу жана мыйзам чыгаруучу бийликтин ортосундагы «каршы салмактар» менен «токтоолуктардын» жуулуп кетүүсү партиялык башчылыктын калыптануу жолу менен жүзөгө ашырылган болсо, анда сот бутагынын начарлоосу башка жол менен чечилген. Жогорку сот азыр укуктук туруктуулукту, мыйзамдарды интерпретациялоонун жана пайдалануунун бир жактуулугун камсыз кылуу менен маанилүү ролду ойнойт. Бирок сунуш кылынган өзгөрүүлөр Жогорку сотту мындай ролдон айрыйт. Ондоп-түзөөлөр жергиликтүү соттордун отчеттуулугун орнотуп, Жогорку соттун түшүндүрмөлөрү (директивалар, чечимдер ж.б. актылар) жергиликтүү соттордун милдеттүү түрдөгү аткаруулары болуп калат. Аталган норма жергиликтүү соттордун Жогорку

соттордун алдындагы отчеттуулугун киргизип, соттордун толук көз карандысыздыгынан ажыратууну түшүндүрөт.

Андан ары 96-берененин 3 пунктунда кызыктуу бир кырдаал түзүлүп, азыркы редакцияда «Жогорку соттун актылары акыркысы болуп эсептелет жана даттанууга болбойт» деп жазылган. Негиздөөсправкасында аталган норманы алып салуу негиздери жок. Ошол эле мезгилде, аталган норма бүгүнкү күнү Жогорку соттун статусун жогорку соттук инстанция катары чагылдырат. Эгерде Кыргызстандын соттору соттук марафондо чекит кое алышпаса, анда мындай Жогорку соттун кереги да жок [3,96].

Өлкө жана анын жашоочулары үчүн орто мөөнөттүү келечекте мындай реформа кандай кесепеттерге ээ боло алат? Учу көрүнбөгөн соттук марафонду узакка төлөөгө даяр адам гана көтөрө алат. Эгерде адам чечишүүлөргө чекит коюуга аракет кылса, анда «чыгымдар-убакыт-натыйжа» мамилелештиги боюнча шариат менен криминал талаш-тартыштарды чечүү боюнча эффективдүү кызмат көрсөтүү абалында калышат. Андан тышкары, шариаттык сот менен криминал адамдардын эле эмес, чарбачылык кылуучу субъекттердин ортосундагы чыр-чатактарга да акыркы чекитти кое алышат. Эгерде светик соттордун ордуна формалдуу эмес институттар келе турган болсо, анда бул мамлекеттүүлүктүн соңуна чыгуусунун башталышын билдирет.

Жаңы Конституцияга болгон «ооба» жана «каршы» деген ар кыл көз караштарды белгилөө менен конституциялык реформа Акаевдердин «падышачылыгынан» «ЗАО Кыргызстанга» чейинки, Бакиевдердин убагындагы «Кыргызстан АК» чейинки бүгүнкү күндөгү жол аркылуу өтөт. Депутаттык мандаттар «артыкчылыгы бар акциялар», министрлик жана башка жылуу креслор – «акциялардын көзөмөлдүк пакети», жарандык активистер чектелген укуктары бар - «миноритарийлер», ал эми өлкө жарандары көбүрөөк акча сыгып алуу керек болгон – «өндүрүш каражаттары» жана «кыймылдуу мүлк» болуп калышат. Негизги күрөш «акцияларды» чыгаруу боюнча «станокко» ээлик кылууга аракет кылышкан топтор ортосунда башталат. Бакиевдердин «ЗАО Кыргызстан» мезгилиндеги калктын көпчүлүгү үчүн «директорлор кенешинин чексиздиги» катары сүрөттөлсө, ал эми «Кыргызстан АК» мезгилинде «рейдерлик кландардын чексиздигин» түшүндүрөт. Оңдоп-түзөөлөргө чейин бир эле Курманбек, Жаңыш, Максим болсо – референдумдан кийин алардын саны жүзгө жетет.

Кырдаалдын мындай өнүгүүсүн чыгарып салуу үчүн оңдоп-түзөтүүлөрдүн мамлекеттүүлүктүн жана анын институттарынын

бекемделүүсүнө тийгизген таасиринин предметине кылдат экспертиза жүргүзүү зарыл. Демилгечилер жана комментаторлор тарабынан берилген негиздер ондоп-түзөөлөрдүн жана техникалык процедуралардын текстине гана таандык. Бирок аларды кабыл алуудагы өлкө үчүн болгон кесепеттер дээрлик керектүү көнүл бурууга ээ болгон жок. Келтирилген далилдер тегерек столдордо, депутаттардын Массалык маалымат каражаттарында катышуусу менен угузулуп, демилгечилерге жөнөтүлгөн. Белгилей кетүүчү нерсе, «Референдумга -жок» демилгесинин жактоочулары ондоп-түзөтүүлөрдүн жакшы иштелип чыга электин сезишкен, бирок аны менен бирге референдумду өткөрүүгө жол бербөөчүлүк начар өбөлгөлөргө да ээ болушкан [4,120].

Демек, жалпыга маалым болгондой, жарандар «жаман» менен «абдан жамандын» ортосунда тандоо жасоо сунушталат эмеспи. Анын үстүнө референдумга каршы чыккандар нааразычылык акцияларын уюштурууну жарыялоо менен кезектеги баш-аламандыкты ойготууга аракет кылышкан адамдар катары көрүнүшөт, демек, «абдан жаман» менен түшүндүрүлөт. Андан тышкары, ультимативдүү үн (тон) башка тарапты алардын чакырыктарын кабыл алып, кандай гана болбосун өзүнүкүндө бекем турууга ойготот. Кыйла алгылыктуусу болуп «Жаны ондоп-түзөөлөргө жол жок» аттуу ураанынын алдындагы жарандык кампанияны баштоо эсептелмек. Маанилүүсү, шайлоочулар келип, жаны Конституцияга «каршы» добуш берүүлөрү керек болгон. Мисал түрүндө түшүндүрө кетсек, 100 шайлоочу бул 100%, эгерде жүз адамдын баары келип, добуш беришсе жана алардын ичинен 50 адам ондоп-түзөтүүлөргө добуш беришсе, анда 50% түзөт, бирок эгерде ондоп-түзөтүүлөргө каршы 10 адам келбей калса, анда добуш бергендердин 100% 90 адам болот жана 50 «макул» добуш бергендер пайыздык өнүттө 56% айланышат. Аталган пайыздык маалыматтар референдумдан кийинки коомдук пикирди манипуляциялоо, плутократияны легитимдештирүү үчүн негиз болуп бере алат. Өзгөчө референдумдун болгондугун таануусу үчүн шайлоочулардын келүү ирегесин алып салуу шарттарында байкоого болот. Демек, шайлоочулардын азчылыгын көпчүлүк жаныча жашоого «мажбур кылат».

Список литературы:

1. Кыргыз Республикасынын 2010-жылдагы Конституциясы.
2. Кыргыз Республикасынын 2007-жылдагы Конституциясы.
3. Кыргыз Республикасынын 1993-жылдагы Конституциясы.

4. Тургунбеков Р. Т. Новая политико-правовая концепция Конституции Кыргызской Республики / Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы реализации программы «Кадры XXI века». Часть II. «Человек и право». - Бишкек, 1998.

КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Джаркымбаева Акак Карыбековна

научный сотрудник,

*Национальная академия наук Кыргызской Республики Отделение
Гуманитарных и Экономических наук Институт философии и
политико-правовых исследований Отдел права,
Кыргызская Республика, г. Бишкек*

Аннотация. В данной статье рассматривается конституционное развитие кыргызской государственности и некоторые проблемы, связанные с принятием конституций в различных этапах ее исторического развития, также дается полный анализ к особенностям, этапам Конституции в разные времена.

Ключевые слова: Конституция, кыргызская государственность, декларация, закон, демократия, государственная власть, советское общество, права человека.

Илимдин тарыхын мезгилдештирүү. Кыргыз Республикасынын Конституциялык өнүгүүсү анын тарыхы менен ажырагыс тыгыз байланышта экендиги баарыбызга жакшы маалым. Эгемен өлкөбүздүн Конституциясынын өнүгүүсүнүн ар бир кезектеги этабы таптар менен социалдык топтордун ортосундагы карым-катнаштардагы, экономиканын деңгээлиндеги, мамлекеттин функцияларын жүзөгө ашыруу масштабындагы, республика, РСФСР менен ССР Союздар аралык компетенцияларды бөлүштүрүүдөгү жаңы урунттуу учурлар менен мүнөздөлөт [1,727]. Кыргыз мамлекеттүүлүгүнүн тарыхый өнүгүүсүнүн ар кыл этаптарындагы конституцияларды кабыл алуу иши аталган бардык сапаттуу көрүнүштөрдү чагылдыруу, мамлекеттик, чарбалык жана социалдык-маданий түзүлүштүн динамикасын камсыз кылуу милдетине ээ болгон. Конституция өзүнүн өнүгүүсүндө жалпы эле кыргыз мамлекеттүүлүгү басып өткөн

этаптарды башынан кечирди десек болот. Коом менен мамлекеттин тарыхын кайра жасап, кандайдыр-бир саясий теориялардын пайдасына ыйгара коюуга болбойт. Ошондуктан биздин пикирибизде өз мезгилинде берилген мамлекет менен укуктун марксистик-лениндик теориясына таянуу менен Конституциянын өнүгүүсүн изилдөө обьективдүү зарылдык деп эсептейбиз.

Ушуга ылайык Конституциянын өнүгүүсүнүн төмөнкүдөй этаптарын бөлүп көрсөтүүгө болот:

- Патриархалдык-феодалдык түзүлүштөн социализмге өтүү мезгилиндеги кыргыз мамлекеттүүлүгүнүн конституциясы. Башкача айтканда, кыргыз мамлекеттүүлүгүнүн Конституциясы автономия формасында болгон (1929-ж.).

- Социализмди куруу ишин бекемдөө жана аяктоо мезгилиндеги кыргыз мамлекеттүүлүгүнүн Конституциясы. Башкача айтканда, союздук республика формасындагы кыргыз мамлекеттүүлүгүнүн Конституциясы (1937-ж.);

- Өнүккөн социализмдин түзүлүшүн бекиткен кыргыз мамлекетинин Конституциясы. Башкача айтканда, кыргыз мамлекеттүүлүгүнүн андан аркы өнүгүүсүн бекиткен Конституция (1978-ж.);

- Эгемендүү кыргыз мамлекетинин Конституциясы (1993-ж.);

- Кыргыз Республикасынын Конституциясы (2010-ж.).

Тарыхый-укуктук аспект. 1924-жылга чейин Орто Азиянын аймагында жана Казахстандын бир бөлүктөрүндө үч мамлекеттик түзүлүш болгон, алар: РСФСРдын курамына кирген Түркстан Автономиялык Советтик Социалистик Республикасы, көз карандысыз Бухара жана Хорезм элдик советтик республикалары. Аталган үч республика тең мурунку Түркстан генерал-губернаторлугунун, Бухара эмиратынын жана Хиви хандыгынын административдик аймактарында түзүлгөн. Ошентип, 1924-жылы кыргыз эли автономдук область формасындагы улуттук-мамлекеттик түзүлүшкө ээ болгон. 1929-жылы КАССРнын Конституциясын кабыл алганга чейин кыргыз мамлекетинде бир дагы Конституция болгон эмес. 1971-1978-жж. б.а. Кыргызстандын өнүгүүсүнүн 60 жыл аралыгында Республиканын үч Конституциясы кабыл алынган (1929, 1938, 1978-жж.). 1929-жылдагы Кыргызстандын Конституциясы өлкөнүн Конституциялык өнүгүүсүнүн тарыхындагы эң алгачкы баш мыйзамдардан болуп калган. 1929-жылдын 3-апрелинде Кеңештердин экинчи бүткүл кыргыздар сөөзди Конституциянын долбоорунун акыркы редакциясын карап чыгып, аны бекиткен. РСФСРдин Конституциясынын негизинде кабыл алынган Кыргыз АССРнин Конституциясы РСФСРдин

курамындагы кыргыз элинин мамлекеттүүлүгүнүн мыйзамдуу орношу болуп эсептелип, пролетариаттын диктатура жана социализмдин негиздерин куруу мезгилдерине ылайык келген [2,318].

1929-жылдагы АССРнин Конституциясынын өзгөчөлүктөрүнө төмөнкүлөрдү киргизсек болот: республиканын экономикасынын көп түрдүүлүгү; экономикадагы социалистик эле эмес, майда товар өндүрүшүнүн жана жеке чарбачылыгынын көп түрдүүлүгүнүн болушу; ушуга байланыштуу башка бирөөнүн эмгегин эксплуатациялаган байлардын, манаптардын жана кулактардын катмарынын болушу; демократиялуу эмес шайлоо системасынын орнотулушу. Ушуга байланыштуу жалпы шайлоо системасы бекитилген эмес – жарандардын кээ бир категориялары, эксплуататордук жана эмгектик эмес элементтер шайлоо укугуна ээ болушкан эмес. Бардык мыйзам чыгаруу актылары (бийлик органдарынан чыккан декреттер, токтомдор ж.б. нормативдик актылар) бир эле мезгилде кыргыз жана орус тилдеринде жарык көргөн. Жалпы жонуна, белгилей кетүүчү нерсе, кыргыз эли үчүн автономдук республика формасындагы мамлекеттүүлүк оң ролду ойногон. Өнүгүү тез ыргак менен башталган, т.а. чарбачылык жана маданий жашоо-турмушта чоң өзгөрүүлөр болуп, өндүрүш, транспорт, байланыш системасы калыпка салынган, о.э. газета, жазма, китептер пайда болуп, билим берүү мекемелеринин саны көбөйгөн ж.б.у.с.

Ошентип Кыргыз АССР нин СССРдин курамындагы союздук мамлекеттердин бири катары кайра түзүүсүнө өбөлгөлөр пайда болгон.

Кыргыз ССРнин 1937-жылдагы Конституциясы.

Тарыхый-укуктук аспект. 1936-жылдын 5-декабрында Кеңештердин 7-өзгөчө Бүткүл союздук сөөзди СССРдин Конституциясын бекиткен (СССРдин Конституциясы 1924-жылдын 31-январында кабыл алынган). Ошентип Кыргыз АССРи союздук республика болуп кайра түзүлүп, СССРдин курамына кирген.

1936-жылдын 30-июнунда Кыргыз АССРнин БАК (ЦИК) Кыргыз Советтик Социалистик Республикасынын жаңы Конституциясынын долбоорун даярдоо үчүн Конституциялык комиссияны түзгөн. Конституциялык комиссия ССР Союзунун Конституциясынын жаңы долбооруна таянуу менен (1936-жылдын 12-июнундагы бүткүл элдик талкуулоо үчүн жарыяланган) Кыргыз ССРнин Конституциясынын долбоорун даярдаган.

1937-жылдын 11-мартында Кыргыз ССРнин Борбордук аткаруу комитетинин (БАК) Президиуму Кыргыз ССРнин Конституциясынын долбоорун карап чыгуу менен аны жактырып, Кыргыз ССРнин Кеңештеринин өзгөчө 5-сөөздинин бекитүүсүнө алып чыккан.

Редакциялык комиссия тарабынан берилген талкуулардан, киргизилген өзгөртүүлөр менен кошумчалардан кийин Конституциянын акыркы тексти Кыргыз ССРнин Кеңештеринин өзгөчө 5-сөезди тарабынан бекитилген.

1937-жылдагы Кыргыз ССРнин Конституциясы союздук конституциянын негизги принциптерине ылайык түзүлүп, Кыргызстандын өзгөчөлүктөрүн улуттук республика катары чагылдырган. Алар: коомдук түзүлүш, башкаруунун, бийликтин жогорку жана жергиликтүү органдары, соттор менен прокуратура, жарандардын негизги укуктары жана милдеттери, шайлоо системасы ж.б.у.с. туурасындагы баптарда чагылдырылган.

1937-жылдагы Кыргыз ССРнин Конституциясынын өзгөчөлүктөрү. Аталган жылдагы Конституция бардык өкүлчүлүк органдардын уюшулуусунун жаңы демократиялуу жана жөнөкөйлөтүлгөн системасын бекитип, мамлекеттик бийлик жана алардын аткаруучулук-башкаруучулук органдарынын ортосундагы компетенцияларынын так чектелүүсүн, жогорку өкүлчүлүк органынын ишмердүүлүгүнүн бир сессиялык формасын орноткон, мыйзамдын башка нормативдик актыларынын үстүнөн болгон үстөмдүк кылуу принцибин бекитип, Кыргыз ССРнин Жогорку Кеңеши «Кыргыз ССРнин жеке мыйзам чыгаруучу органы болуп эсептелет» деп, 22-беренедө көрсөтүлгөн [3,141].

1978-жылдагы Кыргыз ССР нин Конституциясы.

Тарыхый-укуктук аспект. 1936-жылы өлкөдө социализмдин негиздерин түзүү иштери аяктаган. Элдик чарбачылыктын техникалык деңгээли ары өнүккөн индустриалдык өлкөлөрдүн деңгээлинен алда канча артта болгон. Жашоо-турмуштун ар кыл чөйрөлөрүндө революциялык мезгилге чейинки мурастар өз өкүмүн сүрүп тургандыгы белгилүү болгон. Бирок кийинки төрт он жылдыкта советтик коомдо коомдук жашоонун бардык тараптарын камтыган терең өзгөрүүлөр болуп өткөн. Маданий революциянын натыйжасында сабатсыздык жоюлуп, кыргыз ж.б. элдер улуттук жана дүйнөлүк маданияттын асыл кенчтерине жолдомо алышкан. Жумушчулар менен дыйкандардын эмгеги инженердик-техникалык кызматкерлердин эмгегине жакындашып, элдин маданиятынын деңгээлинин өсүү ченемине жараша жана коомдун жашоосундагы илимдин ролунун болуп көрбөгөндөй жогорулоосу интеллигенциянын басымдуу болуусуна алып келген.

1978-жылдын 15-мартында Кыргыз ССРнин Жогорку Кеңешинин Президиумунун отурумунда Конституциянын долбоору каралып, жактырылган. Конституциянын долбоору бүткүл элдик талкууга

коюулуп – республикалык жана жана жергиликтүү басмаларда кыргыз, орус жана өзбек тилдеринде дээрлик жарым миллион нуска менен жарыяланган. Кыргыз ССРнин тогузунчу чакырылышындагы Жогорку Кеңешинин кезектен тышкаркы сегизинчи сессиясы 1978-жылдын 20-апрелинде Кыргыз Советтик Социалистик Республикасынын жаңы Конституциясын кабыл алган.

Ал толук түрдө СССРдин Конституциясынын жоболору жана принциптерине толугу менен жооп берет. Ошону менен бирге анда республиканын тарыхый калыптанган өзгөчөлүктөрү, улуттук-мамлекеттик түзүлүшүнүн тажрыйбасы чагылдырылып, 1937-жылдагы Конституциянын негизги жоболорунун ырааттуулугу камсыз кылынган [4].

1978-жылдагы Кыргыз ССР нин Конституциясынын өзгөчөлүктөрү. Ал өзгөчөлүктөргө төмөнкүлөр кирет: советтик коомдун бардык саясий системасын Кыргызстан элинин толук бийлиги жүзөгө ашкан мамлекеттик жана мамлекеттик эмес уюмдардын жыйындысы катары бекитүү; биринчи жолу саясий система түшүнүгү киргизилген; мамлекеттик бийликтин өкүлчүлүк органдарынын ролун жогорулатуу зарылчылыгы чагылдырылган; элдик депутат туурасындагы атайын бап киргизилген; жарандардын укуктарынын, эркиндиктеринин жана милдеттеринин айлампасы кеңейген.

СССРдин кулашынан кийинки Конституциялык өнүгүү.

Тарыхый-укуктук аспект. 1990-жылдын экинчи жарымында кыргыз мамлекеттүүлүгүнүн өнүгүүсүндө жаңы өткөөл мезгил башталып, 1991-жылдын 31-августунда мамлекеттик эгемендүүлүк жарыяланышы менен аяктаган. Кыргызстан Республикасынын эгемендүүлүгү туурасындагы декларация 1990-жылдын 15-декабрында он экинчи чакырылыштагы Жогорку Кеңештин үчүнчү сессиясында кабыл алынган.

Документте айтылгандай, Кыргызстан Республикасынын мамлекеттик эгемендүүлүгү республиканын бардык аймагындагы мамлекеттик бийликтин үстөмдүгүн билдирет. Эгемендүүлүк декларациясы төмөнкүлөрдү камтыган:

а) жаңы аймактагы Кыргызстан Республикасынын Конституциясынын үстөмдүгү; б) республика кирген эгемендүү республикалар Союзунун мыйзамдарын ратификациялоо[5,126].

Кыргызстан Республикасынын мамлекеттик эгемендүүлүгү туурасындагы декларациянын өзгөчөлүгү. Ага төмөнкүлөр кирет: анда укуктук мамлекеттин принциптери бекитилген: мамлекеттик бийликти мыйзам чыгаруучулук, аткаруучулук жана сот системаларына

бөлүштүрүүнүн жана саясий жашоо-турмушту плюрализм принцибинин негиздеринде жүзөгө ашыруу.

Ошентип, Декларация укуктук мамлекеттин калыптануусун жарыялаган.

1991-жылдын 31-августундагы Кыргызстан Республикасынын мамлекеттик эгемендүүлүгү туурасындагы Декларацияны кабыл алуу менен өлкөнүн он экинчи чакырылышындагы Жогорку Кеңешинин кезектен тышкаркы алтынчы сессиясында кыргыз элинин улуттук мамлекеттүүлүгүнүн өнүгүүсүнүн – жаңы көз карандысыз, өз алдынча этабы башталган.

Конституция – конкреттүү-тарыхый көрүнүш жана аны кабыл алуу тарыхый жактан коомдук өнүгүүнүн белгилүү бир этабы менен шартталган.

1990-жылдын 27-октябрында республиканын он экинчи чакырылышындагы Жогорку Кеңеши Кыргыз ССРнин жаңы Конституциясынын долбоорун иштеп чыгуу боюнча Комиссияны түзүү туурасындагы токтомун кабыл алган. Демек, 1993-жылдын 5-майында узака созулган талаш-тартыштардын натыйжасында мамлекеттин жаңы Конституциясы кабыл алынган.

КР нын 1993-жылдагы Конституциясынын өзгөчөлүктөрү. Ал Конституция, бир жагынан, кыргыз элинин улуттук мамлекеттүүлүгүнүн түзүлүшүнүн бардык конституциялык тажрыйбасын жалпыласа, экинчи жагынан, аталган тажрыйбаны мамлекеттик түзүлүштүн жаңы милдеттеринин талаптарына жооп берген жаңы мазмун менен байытат.

Ошол жылдагы Конституциянын бирден-бир өзгөчөлүгү болуп жеке менчикке болгон укукту мыйзамдык бекитүү эсептелет. Конституциянын 19-беренеси бекиткендей: «жеке менчик Кыргыз Республикасында адамдын ажырагыс укугу катары таанылат жана кепилдике алына» [6,19].

Эгемендүү Кыргыз Республикасындагы конституциялык реформалар.

Жалпыга маалым болгондой конституциялык реформа коомдун өнүгүүсүн камсыз кылууга багытталып, коомдук жашоого таандык болгон өсүп-өнүгүүнүн тенденциясынын көрүнүшү катары кызмат кылат. 1990-жылдын соңунан тартып Кыргызстанда жүргүзүлгөн конституциялык реформанын этаптарына токтоло кетсек.

Биринчи этап төмөнкүдөй өзгөрүүлөр менен мүнөздөлгөн:

- Кыргызстан Республикасынын Президентинин кызматы түзүлүп, 1990-жылдын 27-октябрында тунгуч президент А.Акаев шайланган;

- мамлекеттик бийлик органдарынын, башкаруу, саясий жана экономикалык системаларынын деиделогиялашуусу болуп өтөт;
- мамлекеттик түзүлүштүн большевиктик советтик формасынан баш тартуу жана жалпы бийлик бөлүштүрүү принцибин конституциялык түзүлүштүн негиздери катары таанып билүү иши жүрөт;
- 1993-жылдын 5-майындагы Кыргыз Республикасынын Конституциясы кабыл алынат.

Конституциялык реформанын экинчи этабы КРнын Президенти А.Акаевдин 1996-жылдын 3-январындагы мамлекеттик бийликтин бутактарынын ортосундагы милдеттерди чектөө маселеси боюнча референдум өткөрүү туурасындагы Жарлыгын кабыл алуудан башталган.

1996-жылдын 10-февралында референдумга алынып чыккан «Кыргыз Республикасынын Конституциясына өзгөртүүлөрдү жана толуктоолорду киргизүү туурасындагы» Мыйзам долбоору ага чейинки укуктук кырдаалды – элдин эрки менен киргизилип, 1994-жылдын октябрында көрсөтүлгөн эки палаталуу парламенттин укуктарын чектөөгө жана мыйзам чыгаруу органдарынын, Президент менен аткаруу бийлигинин ортосундагы карым-катнаштарды тактоого багытталган.

Мыйзам долбоору Президент менен Жогорку Кеңештин милдеттерин биринчисинин таасирин күчөтүү менен чектөөнү сунуштаган.

1996-жылдын 10-февралындагы КРнын Конституциясынын редакциясына ылайык кээ бир кызматкерлердин бөлүгүн Президент дайындаган; мамлекет органдарынын кээ бир кызматкерлерин парламенттин палаталары менен дайындалган; Президентке кээ бир кырдаалдарда парламенттин бир же эки палатасын таратуу укугу берилсе, ошол эле мезгилде парламент Президенттин кызмат ордуна четтетилүү маселесин карай алган; Өкмөткө көбүрөөк өз алдынчалык берилген ж.б.у.с.

КРнын Конституциялык реформасынын үчүнчү этабы КРнын Президентинин 1998-жылдын 1-сентябрындагы №270 «КРнын Мыйзамынын долбоорун бүткүл элдик талкуулоо», «Кыргыз Республикасынын Конституциясына өзгөртүүлөрдү жана толуктоолорду киргизүү» туурасындагы Жарлыгын кабыл алуу менен белгилүү болгон. Андан кийин КРнын Президентинин 1998-жылдын 1-октябрындагы «1998-жылдын 17-октябрындагы референдум туурасындагы» Жарлыгы менен «КРнын Конституциясына өзгөртүүлөрдү жана толуктоолорду киргизүү жөнүндөгү» Мыйзамы

өлкөнүн жарандарынын кабыл алуусу үчүн референдумга коюлган. Референдумда жарандардын басымдуу бөлүгү Мыйзамды кабыл алуу ниеттерин билдиришкен.

1998-жылдын 1-октябрындагы КРнын Конституциясынын редакциясына ылайык төмөнкүдөй өзгөртүүлөр киргизилген:

Жогорку Кеңештин палаталарынын курамын реорганизациялоо – алардын санын өзгөртүү иши жүргүзүлгөн, Мыйзам чыгаруу жыйынына – 60, ал эми Эл өкүлдөр жыйынына болсо – 45 депутаттын саны сунушталган. Муну менен жалпы санынын 20% түзгөн Мыйзам чыгаруу жыйынындагы 15 орун шайлоочулардын ишениминин минималдык 5% дык барьерди багындырган саясий партияларга берүү каралган.

Ал эми Эл өкүлдөр жыйынынын депутаттыгына талапкерлер аталган палатанын депутаты болуп шайланышы үчүн белгилүү бир аймакта же Бишкек шаарында кеминде 3 жыл туруктуу жашоолору зарыл болгон[7,82]. Андан сырткары депутаттык кол тийбестик институту киргизилген. Бул норма депутаттардын катачылык же укук бузуучулук кырдаалдарындагы абсолюттуу кол тийбестикти бекиткен, манызы боюнча бул Конституциянын 3-пунктунун 15-беренесинде жалпы таанылган баардыгы мыйзам менен соттун алдында бирдей принцибине карама-каршы келет.

КР нын Конституциялык реформасынын төртүнчү этабы 2003-жылдын 13-январындагы (УП №8) өлкөнүн Президентинин «Кыргыз Республикасында референдум өткөрүү туурасындагы Жарлыгынан башталган, андагы 2003-жылдын 18-февралындагы «КР нын Конституциясына өзгөртүүлөрдү жана толуктоолорду киргизүү жөнүндөгү» Мыйзамы 2003-жылдын 2-февралындагы референдумдун натыйжасында кабыю алынган. Референдумда жарандардын басымдуу бөлүгү Мыйзамды кабыл алууну колдошкон.

Кыргызстандын Конституциялык өнүгүүсүнүн бешинчи этабы кыска мөөнөттүн ичинде Жогорку Кеңеш тарабынан кабыл алынган 2006-жылдын 9-ноябрындагы (№180) «КР нын Конституциясына өзгөртүүлөрдү жана толуктоолорду киргизүү жөнүндөгү» жана 2007-жылдын 15-январындагы (№2) «Кыргыз Республикасынын Конституциясынын жаңы редакциясы туурасындагы» (2007-жылдын сентябрында КРнын Конституциялык сотунун чечими менен кийинкиге жылдырылган) эки мыйзамды иштеп чыгуу жана кабыл алуу менен байланышкан.

Өзгөчөлүктөрү: Аталган этап белгилүү бир өзгөчөлүктөр менен мүнөздөлөт: реформалоо өлкөдөгү революциялардын жана бийлик алмашуулардын алкагында жүзөгө ашырылат; Конституцияга

өзгөртүүлөрдү жана толуктоолорду киргизүү менен жаңы редакцияны кабыл алуунун ортосундагы мөөнөт өтө эле кыска болгон, ошондуктан саясий туруксуздук жана республикадагы буркан-шаркандуу кайра түзүүлөр менен байланыштуу болгон. Эгерде 2006-жылдагы Конституцияга киргизилген өзгөртүүлөр жана толуктоолор туурасында айта турган болсок, анда төмөнкү жаңылыктарды таандык кылууга болот: негизги басым гендердик тендикке жасалган, эркектер менен аялдар бирдей укуктарга жана эркиндике ээ; мамлекет тарабынан кош жарандуулук укугу берилген; ар бир кармалган жаран кармалган учурдан баштап 24 саат ичинде анын кармалгандыгынын мыйзамдуулугу туурасындагы маселени чечүү үчүн сотко алынып барылышы зарыл ж.б. КР Жогорку Кеңеши беш жылдык мөөнөткө шайланган 90 депутаттан турушу керек; Президент өлкөдөгү сот иштери боюнча Улуттук кеңештин сунушу менен Жогорку Кеңешке Конституциялык, Жогорку соттордун соттору кызматына шайлоо үчүн кандидаттарды сунуш кылат. Эгерде аталган Конституциянын редакциясынын мааниси туурасында айта турган болсок, анда ал гумандуулугу менен айырмаланып, жарандар менен адамдын укуктарынын айлампасы кеңейип, өлкөдөгү өлүм жазасы четке кагылган.

Кыргызстандын Конституциялык өнүгүүсүнүн алтынчы этабы. Аталган этап 2007-жылдын 14-сентярындагы КРнын Конституциялык сотунун чечимин жана 2007-жылдын 23-октябрындагы референдумдун натыйжасында «Кыргыз Республикасынын Конституциясынын жаңы редакциясы жөнүндөгү» Мыйзамды кабыл алуу менен байланышкан.

2007-жылдын 23-октябрындагы КРнын Конституциясынын редакциясына ылайык төмөнкү өзгөрүүлөр киргизилген: Президенттин милдеттери Премьер-министрдин консультациясы менен жергиликтүү мамлекеттик администрациялардын башчыларын дайындоо жана аларды кызматтан бошотуу, мамлекеттик жана муниципалдык кызматкерлердин эмгек акыларынын шарттарын аныктоо, о.э. Өкмөттүн жана аткаруу бийлигинин нормативдик укуктук актыларынын иш-аракеттерин токтотуп коюу укугуна ээ болгон [8].

Кыргызстандын Конституциялык реформасынын жетинчи этабы 2010-жылдын 27-июнунда референдум аркылуу кабыл алынган [9]. Кыргыз Республикасынын жаңы Конституциясын кабыл алуу менен белгилүү болгон. Конституциялык реформалоонун аталган этабы о.э. Кыргызстандагы бийлик алмашуу, саясий өзгөрүүлөр, революция менен да бизге жакшы маалым.

2010-жылдагы Кыргыз Республикасынын Конституциясынын юридикалык өзгөчөлүктөрү: 2010-жылдын 27-июнундагы КРнын

Конституциясы референдумда өзүнчө моноакт түрүндө кабыл алынган. КРнын Конституциясынын жоболорунун басымдуу бөлүгү катаал тартипте өзгөрүшөт. Андан сырткары аталган жылдагы Конституция жарандардын укугун жана эркиндигин коргоону күчөтөт. Адам укуктары туурасындагы бөлүмгө укук коргоочулардын сунуштары жана адам менен жарандын укугун коргоо боюнча эл аралык конвенциянын нормалары киргизилген.

Демек, Кыргызстан социалдык багыттуу өлкө болуп жарыяланып, ал эми адамдын татыктуу жашоосу жана эркин өнүгүүсү үчүн бардык шарттарды түзүү мамлекеттик саясаттын деңгээлине көтөрүлөт. Татыктуу жашоо деген биринчи кезекте, заманбап цивилизациянын жыргалчылыктарын пайдалануу мүмкүнчүлүгү, ыңгайлуу турак-жай шарттарына, медициналык тейлөөгө, сапаттуу тамак-ашка, жагымдуу курчап турган чөйрөдө жашоо ж.б.у.с. ээ болуу дегенди түшүндүрөт.

Список литературы:

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. №49. - Ст.727
2. Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР, 1990, №21, ст. 318.
3. Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР. - 1989. - №17. - Ст. 141.
4. Конституция (Основной Закон) Киргизской ССР 1978 г. с поправками.
5. Ведомости Верховного Совета Республики Кыргызстан. - 1991. - №3. - Ст. 126.
6. Кыргыз Республикасынын 1993-жылдын 5-майындагы Конституциясы.
7. Тургунбеков Р. Т. Новая политико-правовая концепция Конституции Кыргызской Республики Бишкек, 1998.
8. Кыргыз Республикасынын 2007-жылдагы Конституциясы
9. Кыргыз Республикасынын 2010-жылдагы Конституциясы.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

*Сборник статей по материалам II международной
научно-практической конференции*

№ 2 (2)
Август 2017 г.

В авторской редакции

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции

Подписано в печать 08.08.17. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,75. Тираж 550 экз.

Издательство «Интернаука»
127276, г. Москва, ул. Ботаническая, д. 14, офис 21
E-mail: mail@internauka.org

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

ООО «Интернаука» (г. Москва) проводит международные заочные научно-практические **конференции по 26 научным направлениям**. Предоставляя возможность опубликовать статью быстро и качественно, мы помогаем аспирантам, соискателям и докторантам представить на суд научной общественности результаты проведенных исследований, открываем дорогу молодым, привлекаем в научную среду как начинающих ученых, так и профессионалов, имеющих богатый практический опыт в прикладной сфере и упрощаем процесс вхождения в научное сообщество, снижая барьеры расстояния, финансов, языка, статуса, возраста, опыта.

Мы проводим заочные конференции на двух языках: русском и английском, способствуя сближению научных сообществ разных стран.

Нашим изданиям присваиваются коды ISSN, УДК, ББК. Производится их регистрация в Российской книжной палате и рассылка по библиотекам нашей страны. Также наши издания представлены в наукометрической базе РИНЦ.

На сегодняшний день в рамках проекта "Интернаука" было **проведено свыше 250 конференций, в которых приняли участие более 6000 ученых из 15 стран мира**: России, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Украины, Белоруссии, Польши, Армении, Латвии, Болгарии, Молдовы, Румынии, Эстонии, Греции, Турции.

Конференции по 26 направлениям науки:

Архитектура
Астрономия
Биология
Ветеринария
География
Геология
Информационные технологии
Искусствоведение
История
Культурология
Математика
Медицина
Менеджмент
Педагогика
Политология
Психология
Сельскохозяйственные науки
Социология
Технические науки
Фармацевтические науки
Физика
Филология
Философия
Химия
Экономика
Юриспруденция